

**Нина Бархат
Марина Багирова
Присвоенная**
Серия «Другие миры (АСТ)»

*PDF предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=17166370
Нина Бархат, Марина Багирова. Присвоенная: Издательство АСТ; М; 2016
ISBN 978-5-17-091731-0*

Аннотация

Неуязвимый, всесильный, завораживающе прекрасный хищник... Может ли он разглядеть в жертве равного себе? Способен ли он на любовь? И если да... то будет ли она человеческой?

У Дианы странное детство – своей уважаемой и весьма обеспеченной семье она не нужна. Главное, что требуется от нее – молчать. Ни единого слова о ее особенном госте, пугающем, нечеловечески-холодном, навещающем ее дважды в год. Он – ее грязный секрет. Ее мучитель. И, как предстоит Диане вскоре узнать, хозяин самой ее судьбы...

Содержание

Часть первая	5
Конец ознакомительного фрагмента.	53

Нина Бархат, Марина Багирова

Присвоенная

© Н. Бархат, М. Багирова, 2016

© Оформление. ООО «Издательство АСТ», 2016

* * *

Часть первая

Он был в моей жизни всегда. Пытаясь найти первое воспоминание о нем, я поражаюсь невозможному: вот я, бессловесная кроха, в просторе своей колыбели. Той единственной, которая может утешить одним звуком голоса, – рядом нет. Вместо нее надо мной навис некто огромный, закрывающий собой мир. Все, что он делает, – смотрит на меня. Просто смотрит, неподвижный. Но хотя я еще ничего не понимаю, мне страшно...

С самых ранних дней страх стал моим главным чувством.

Будто для малыша недостаточно вокруг ужасного, глупые родители пугают его ведьмами, дядьками, злодеями – в зависимости от своей убогой фантазии. Мой страх был реален. И стоило мне услышать его имя – Кристоф, как я начинала плакать... Но очень скоро, убедившись, что до моих слез никому нет дела, я перестала выпускать их наружу, собирая бездонное озеро внутри.

В нашем богатом доме было все, что нужно для счастливого детства. Комната, в которой я жила, – огромная, светлая, полная очаровательной мебели и игрушек – могла бы послужить образцом девичьей мечты. Красивая и дорогая одежда воспринималась мной как норма. За порядком в доме следила многочисленная прислуга, тихая, профессионально незаметная. Штат поваров без усталости изобретал новые блюда ежедневно...

Но на этом мое счастье обрывалось. Семье я была не нужна.

Отец, познавший власть и деньги в полной мере, был надменным, суровым человеком. Давление его непростого характера испытывал на себе каждый человек в доме, за исключением разве что горячо любимой жены. Но стоило ему увидеть меня – и его настигал неконтролируемый приступ раздражения!

Если же я пыталась обратиться к нему, разговор неизменно заканчивался криком.

Мама, такая нежная и ласковая с другими, – даже со слугами! – сторонилась меня, словно прокаженной. Ровный, безразличный тон, с которым она обращалась ко мне в случаях, когда того невозможно было избежать, сводил с ума. А ее объятия так и остались недосягаемой детской мечтой.

В веселых играх сестры Наташи и брата Павла с их любимым дядей я никогда не участвовала – меня не замечали. И только к Лидии, своей тете, я испытывала что-то похожее на признательность за ее улыбку и теплый взгляд...

Казалось, все меня ненавидят. И я не могла понять: за что?!

Кристоф приходил в наш дом два раза в год и был незрим для окружающих. Без единого слова он властно открывал дверь и шел, сопровождаемый волной ужаса, бегущей от него, подобно цунами: потупленные взгляды, замирающие разговоры, шарахающаяся во все стороны прислуга – и тишина... Мертвая тишина.

Только Павел с Наташей иногда проявляли чудеса смелости и пробовали с ним заговорить. За эту провинность, единственную, их наказывали почти так же сильно, как меня за любую оплошность.

Он направлялся в мою комнату, и я покорно следовала за ним. Всегда. Было в Кристофе что-то удерживающее от необдуманных поступков, таких как побег... или нож в спину. Даже ребенком я чувствовала: это – неизбежно! Никто и ничто не поможет. Мне все равно придется остаться с ним наедине.

Потом он закрывал дверь, поворачивался ко мне, подходил вплотную. И его взгляд резко менялся.

Я боялась этого момента больше всего! Было такое чувство, будто он рукой хватал меня за горло, вытряхивая последние крохи сопротивления. Под его бесконечным взглядом само

время переставало существовать. И я летела, летела в бездонную пропасть... И никогда не могла достичь дна, чтобы разбиться, наконец, о его черный гранит и получить избавление от моего мучителя... Но тут меня проглатывала темнота – почти приятно. Я лишь боялась, что однажды останусь в ней навсегда.

Когда я просыпалась, его уже не было рядом.

На шее или руке я иногда находила маленькие темные точки, которые потом тщательно, с непонятным для самой себя стыдом маскировала. Едва заметные, будто след от укула, они слегка беспокоили при нажатии, но не более того. А вот голова просто разрывалась от боли, надолго укладывая меня в постель!.. Обычно мне требовалось несколько дней, чтобы окончательно прийти в себя после этих «визитов».

Все попытки пожаловаться родителям на боль, которую причинял мне Кристоф, наталкивались на глухую стену. В назидание, чтобы больше не тревожила запретную тему, меня оставляли в закрытой комнате, и спустя долгое время, обессиленная беззвучным плачем, я засыпала, усвоив еще один урок неизбежности.

Но, к сожалению, и это было не все.

Полгода ожидая с замиранием сердца приближения черного дня, я тем не менее и в течение всего этого времени ощущала чужое присутствие.

Сначала, познакомившись со страшными сказками, я принимала его за призрака – невидимого и всемогущего, следящего за каждым моим шагом. Позже, с течением лет, когда реальность стала терять мистические черты, приписываемые ей детством, я просто считала это игрой больного воображения, уже тогда прекрасно понимая, что здоровым оно у меня быть не может...

Иногда, в очередной раз покорно следуя за Кристофом, я пыталась найти смелость, чтобы заговорить. Мне хотелось узнать, что он делает со мной, парящей в темноте забвения. И больно ли это. Мне хотелось объяснить, как сильно я его боюсь, рассказать о ночных кошмарах, в которых главным – и единственным – действующим лицом всегда был он. Мне хотелось хоть как-то пробиться к нему! Вот только я не знала зачем... Но стоило увидеть его нечеловечески-холодное выражение лица и взгляд, проникавший гораздо глубже, чем возможно было выдержать, – и от моей решимости не оставалось и следа.

И я снова шла за ним – обреченно...

Да, у меня было очень странное детство.

В день пятнадцатилетия мне устроили торжество, чего никогда не делали раньше. Вместо того чтобы задаться вопросом, что же изменилось, почему вдруг мои безразличные родители решили проявить заботу, я, юная и наивная, искренне обрадовалась известию. Кипя от возбуждения, я сновала из комнаты в комнату, наблюдая за приготовлениями.

Это был праздник – такое малоизвестное мне слово и еще менее известное состояние. Я пригласила всех, кого только хотела, и даже тех, кого приглашать не следовало: друзей, подруг, знакомых и почти незнакомых, завистников, соперниц, сплетниц... Всех!

К вечеру дом был полон. А мои родители с братом и сестрой уехали. Если это и шокировало гостей, то я, привычная к равнодушию, как демонстративному, так и незаметно-повседневному, только зло ухмыльнулась: к этому времени я уже знала, что такое ненависть. «Ничто не испортит мой день рождения, ничто!» – поклялась я себе.

И было здорово!

Мы веселились как могли. Орала песни, соревнуясь, кто громче; танцевали в комнатах, на балконах, на столах. Открыв все окна, впускали душную ночь разделить наш праздник...

Как истинные медвежатники, мы взломали хитрый замок бара и добавили еще несколько градусов веселью. Из пустых бутылок вышли отличные кегли – в ход шло все!

Прислуга ворчала под нос что-то про распущенную золотую молодежь, но порой мелькала и добродушная улыбка. Я была по-настоящему счастлива!.. Впервые.

И – как можно было бы догадаться – приехал он.

Друзья недоумевали, почему я стала такой бледной, – ведь никто из них не слышал звука подъехавшей машины. Я же прислушивалась к нему всегда, с раннего детства.

Меня успокаивали и спрашивали о чем-то, но это было так неважно, так ненужно...

Я шептала себе с горькой иронией, нетрезво покачивая головой в изумлении: «Забыла... Впервые в своей жизни забыла!»

Он вошел в дом, чеканя шаг, почти торжественно, не удивляясь ни своре малолеток, ни моему лицу, лишенному красок.

– Кристоф... умоляю вас... только не сегодня! – Я застыла, пораженная собственной смелостью. Неужели я заговорила с ним – со своим кошмаром?

Но он смотрел на меня так же равнодушно, как и на других участников праздника... И молчал.

Секунды складывались в минуты, ничто не указывало на то, что он вообще слышал мои слова. Я уже видела безразличный отказ в его глазах. И то ли алкоголь сломил мое хрупкое самообладание, то ли боль всех этих лет легла на плечи невыносимым грузом – во мне проснулась жалость к себе, ничтожнейшее из чувств.

Забыв обо всем и всех, маленькая пятнадцатилетняя девочка ударилась в истерику – мое бездонное озеро слез перелилось...

Я умоляла его прийти на следующий день – не портить мне долгожданный праздник, первый, единственный праздник в моей жизни! Я горько плакала и унижалась, почти падая к его ногам! Я умоляла его уйти не только сегодня – я умоляла его не приходить никогда, оставить мою и без того несладкую жизнь в покое!

Но взгляд его был непроницаем.

И тут, впервые, мой страх дал трещину. Я впала в неистовство! Ярость огненной пеленой покрыла все вокруг. Что-то падало, разбивалось, мелкие осколки осыпали мое лицо, что-то лилось на пол, на мое прекрасное платье... Я бессвязно кричала, проклинала – и снова умоляла. Молила...

Но наконец, убедившись, что в его холодных глазах так и не мелькнула жалость, я замолчала. И, наверное, впервые за все годы услышала его голос четко и ясно, не пребывая в дурмане от непонятных чар или собственной слабости.

– Это невозможно.

Вот так просто и мгновенно он сломал во мне остатки детства.

И я покорно пошла следом за ним, ничего не объясняя друзьям, ошеломленно наблюдавшим за этой сценой, краем сознания надеясь, что они спишут мое поведение на избыток алкоголя в крови.

Я проснулась поздно утром.

Странно, был понедельник, но никто и не заикнулся, что мне надо в лицей. Обойдя дом, я не нашла никого из родных, и даже прислуги нигде не было видно. Стояла необыкновенная тишина...

Тихо было и у меня в душе.

Казалось, вчерашние события должны были оставить повод для бесконечных слез, но все, что я ощущала, – неслыханный покой. Какой то искусственный покой, как онемение после наркоза... После ампутации.

Да, именно это случилось вчера. Мне всего лишь удалили остатки наивных детских заблуждений, что можно что-то изменить. Что если очень попросить, поплакать, то он уступит... Пожалееет меня.

Теперь я знала: это невозможно.

Целый день я провела наедине с собой, не ощущая времени. Казалось, прошел лишь миг, а над землей уже сгустились шоколадные сумерки. Почти восемь часов улетели в никуда...

Я очнулась от прикосновения.

– Диана, проснись, у тебя гости.

Скользнув мутным взглядом по толпе, окружавшей постель, я в первый момент обомлела. Но после некоторых усилий все же сообразила: подруг всего четверо... И сумела им улыбнуться – мой несомненный талант.

– Проснулась, соня!

– Вчера ты так рано ушла... давай делись с подругами!

После целого дня тишины громкие звуки почти оглушили меня.

– Ч-что? – Я заторможенно смотрела на подруг из своего далекого пугающего мира и не могла понять, что им от меня нужно.

Не замечая моего состояния, перебивая друг друга, вчерашние гости тут же ринулись на меня с вопросами:

– Кто он? Откуда знаешь? Почему скрывала от нас?

Их резкие голоса выдавали возбужденное любопытство, а глаза светились завистью.

Внутри меня все содрогнулось: «Дуры! Он смертельно опасен! Как можно не видеть этого?!»

– Боялась, что уведете, – я улыбнулась и с трудом села – кружилась и болела голова. Снова улыбнулась.

– И не зря! – настырно вмешалась одна из них, романтично закатывая глаза, и с придыханием застонала: – Он... он та-а-а-кой кра-а-а-савчик!

– О да, ты даже не представляешь какой, – угрюмо пробормотала я, тщетно пытаюсь понять, где она увидела красоту в этом человекоподобном монстре. И поспешила откреститься от жуткого предположения, внутренне мертвея от одной лишь подобной мысли: – Да шучу я... Никакой он мне не парень! Я его терпеть не могу. Кристоф просто... – неожиданно для самой себя я запнулась, пораженная фактом, что за столько лет так и не узнала, кто он. – Знакомый моих родителей... – после долгой паузы с трудом нашлась я.

Как бы хотелось, чтобы все было так просто.

– Так его зовут Кристоф? – обрадовалась наша наивная Дашка и этому минимуму информации. На ее хорошеньком кукольном личике появилось мечтательное выражение, и она промурлыкала: – Такое необычное имя!

– Да, необычное, – согласилась я с ней автоматически, удивленная ее зачарованным взглядом: забыв о нас, она уставилась в окно... Но я и подумать не могла, насколько необычным был сам обладатель имени.

И чего это будет стоить Дашке.

О нем говорили весь следующий месяц. Спрашивали, недоверчиво поджимая губы, просили познакомиться. Я отшучивалась, отмалчивалась, переводила разговор в другое русло – оберегала их как могла.

Было странно, что тот, кого они видели всего раз, да и то при самых обескураживающих обстоятельствах, настолько их заинтересовал. Но возможно, я в глубине души и понимала, как ему это удалось... но боялась признаться даже самой себе.

Но как бы мне ни хотелось, чтобы все забыли о его существовании, – чего бы я не отдала, лишь бы провести хоть день, не вспоминая о нем! – Кристоф снова прошелся по моей жизни так, как ему было угодно.

... Я была уже в вестибюле. Занятия окончились, и шумная толпа понемногу выплескивалась из лица. Ожидая, пока пробка в дверях рассосется, я отошла к окну, и мой скучающий взгляд сразу же зацепился за знакомую фигуру, возвышавшуюся над окружающими почти на голову.

Как обычно, отстраненно-холодный, почти пугающий, он был окружен аурой чужого любопытства. Наши девочки, все как одна застыв, заворуженно глядели на него – через плечо, в упор, исподтишка и даже с приоткрытым ртом. В их глазах светилось неоновым необъяснимое восхищение: красив, безумно красив!..

А он смотрел прямо на меня. И я, невзирая на расстояние, ощущала его лишь в шаге, склонившимся и привычно вонзившим свой острый взгляд мне в самую душу.

Захваченная врасплох, я замерла, пытаюсь соединить два несовместимых мира: маленький темный мир моей комнаты, который подчинен ему, и мир снаружи, за стенами, огромный и полный света. Мое убежище, куда вход для него воспрещен!.. До сего момента я была почти уверена в этом.

Внутри все похолодело: неужели теперь?..

Не чувствуя тела, я вышла из лица и направилась к Кристофу.

Он наблюдал за моим приближением безотрывно и, казалось, даже не моргая. Машина, на которую он небрежно облокотился, была кричаще-желтой. Цвет настолько дисгармонировал с изысканной, рафинированной, но в то же время отталкивающей внешностью Кристофа, что это, как ни странно, помогло мне собрать смелость в кулак для атаки.

– Что ты здесь делаешь?! – я снова ощутила пылающую ярость, несмотря на весь ужас перед ним. Неужели я никогда не найду уголка, где смогу хотя бы недолго побыть без напоминания о моем мучителе? Неужели теперь я должна ожидать встречи с ним в любой момент и в любом месте?

Он даже не пошевелился, игнорируя мою злость. Посмотрел сверху вниз, а потом на здание лица.

– Что ты тут делаешь? – процедила я сквозь зубы тише, изо всех сил пытаюсь держать себя в руках, понимая, что на нас и так обращают слишком много внимания.

– Жду, – соизволил он ответить невозмутимо. – Просто жду.

– Я запрещаю тебе ждать, Кристоф! – с неожиданным для самой себя напором заявила я. – Только не здесь, так близко от меня!

Он склонился ко мне быстрым, почти неуловимым движением – и я отшатнулась в страхе, ожидая кары за свои резкие слова. Но угроза в его взгляде вдруг сменилась вполне человеческой насмешкой, и я впервые разглядела зеленый цвет его глаз, необычных, переменчивых – темневших или светлевших в зависимости от его настроения.

– Ты не можешь мне что-либо запрещать, – ровно, даже безразлично произнес Кристоф. Но тут же угроза вернулась: – Советую хорошо запомнить!

Отчаянно сопротивляясь желанию бежать, я надменно спросила:

– Это предупреждение?

Но уголки его губ шевельнулись, будто он был доволен моим вопросом:

– Это факт.

Он вновь посмотрел в сторону лица, и я, проследив его взгляд, увидела, как из дверей выпорхнула – а иначе ее летящую походку и не назовешь – Дашка. Она заметила меня рядом с Кристофом, и на краткий миг на ее хорошеньком личике отразилось раздражение, которое, однако, растворилось, как только она рассмотрела мои нахмуренные брови, закушенные в злости губы и стиснутые кулаки.

– Привет, Кристоф, – пропела она.

Он улыбнулся в ответ. Немного натянуто, но улыбка вообще не была для него чем-то привычным. По крайней мере я улыбающимся его никогда прежде не видела.

– Ты его знаешь? – я намеренно говорила о Кристофе как об отсутствующем, желая хоть чем-то уязвить.

– Да, недавно познакомились, – Дашка лукаво взглянула на него, явно гордая леденящим кровь фактом.

Но Кристоф даже не повернул к ней головы в ответ. И казалось, меня, положив на предметное стекло, разглядывают в микроскоп при максимальном увеличении...

Что же за игру он ведет?

А что это была именно игра, я чуюла нутром.

– Ну что, поехали? – нервно спросила Дашка, которой почудилось, что мы слишком долго смотрим друг на друга. Впрочем, так и было.

– Да, поехали. – Наконец его глаза оторвались от моего лица.

Я, будто в замедленной съемке, увидела, как он обнимает Дашку за талию. Каждый волосок на моей коже поднялся дыбом, стоило мне представить его прикосновение. Как же ей не противно?!

– Диана, тебя подвезти?

Я ослышалась? Он никогда раньше не называл меня по имени, всегда только сухое: «Снегова». Наверное, поэтому мое имя так странно прозвучало. Да и вопрос... и сама ситуация... все это...

Дашка была не в восторге.

Я смотрела на ее умирающую улыбку. Рядом с огромным нечеловечески-холодным Кристофом ее тонкая фигурка потерялась, исчезла, растворилась... Неожиданно мне стало страшно. За Дашку.

И чтобы не успеть отказаться, я быстро ответила:

– С удовольствием, только позвоню домой – отошлю обратно машину, – онемевшие губы слушались с трудом.

Как и следовало ожидать, Кристоф сел за руль, а Дашка – рядом с ним. С заднего сиденья я всю дорогу наблюдала, как ее рука собственнически поглаживает его волосы... а он терпит. Именно терпит.

Он подвез ее прямо под окна дома, совершенно не опасаясь показаться на глаза домохозяевам. Вышел из машины, открыл дверцу и подал ей руку точным, заученно-механическим движением. Дашка покраснела в ответ. Поднялась с сиденья...

А потом он ее поцеловал – неожиданно для Дашки. Но еще больше – для меня.

И он старался!

Перехватив поудобнее, развернул ее так, чтобы мне было видно все, в подробностях. Властно захватил ее рот, неторопливо пошарил по телу без стыда. Этому поцелую было место в закрытой комнате, а не посреди улицы... И не так близко от меня!

Вдруг я почувствовала его руки на своем теле, его губы на моих губах...

Затошнило, все вокруг поплыло. И я стала глубоко дышать, чтобы удержаться в реальности. К счастью, когда мир качнулся, целующаяся пара оказалась вне поля зрения, что помогло лучше всего.

Зачем? Зачем эта демонстративная страсть?

Он же не влюблен в нее.

Он не может быть влюблен! Ни в кого. Никогда. Ведь он... чудовищен! Я знала лучше кого-либо.

В конце концов Кристоф оторвался от нее и вернулся в машину, все такой же холодный, будто и не он только что оставил Дашку задыхающейся и с пунцовым румянцем во всю щеку. Опьяневшая от неожиданного поцелуя, она, пошатываясь, направилась к дому...

Стиснув зубы, я решительно, без спроса, пересела на переднее сиденье и посмотрела ему в глаза. Он повернул ключ, не отводя взгляда, и мотор взревел.

– Зачем тебе это?

Машина выехала на главную дорогу, где мы начали набирать скорость, и лишь тогда он соизволил отозваться.

– Что?

– О, пожалуйста, не думай, что все вокруг – дураки! – я, вошедшая в клетку с тигром, сама поражалась своей безумной наглости. – Да когда она к тебе прикасается, ты готов ее убить! По глазам видно.

– Никогда не думал, что ты так хорошо читаешь по моим глазам, – мрачно заметил Кристоф.

– У меня было достаточно практики, чтобы... – зло продолжила я – и осеклась, увидев его взгляд. Вдруг страх за Дашку снова напомнил о себе душной волной, и, собрав всю волю, я снова обратилась к нему. На тон ниже.

– Ну... найди себе другую – взрослую, зрелую, которая подойдет тебе... по статусу, – хотелось бы мне верить, что его интерес состоял только в этом!

– А какой у меня статус? – хлестнула неприкрытая насмешка.

И тут я почувствовала жуткую усталость: ничто не поможет. Если столько лет он хозяйски распоряжается моей жизнью, невзирая на родных, на законы, на здравый смысл, то с чего я взяла, что могу как-то защитить Дашку?

– Отвези меня домой, Кристоф! У меня нет желания видеть тебя чаще, чем два раза в год. Я хочу и дальше верить, что, уезжая от меня, ты растворяешься в воздухе, перестаешь существовать...

Умираешь.

Но последнего я, конечно же, не сказала вслух.

– Надеюсь, ты и сама понимаешь, что это вздор.

Мы подъехали к дому, и он открыл мне дверь – нажал кнопку. Судя по всему, я не была достойна проявления галантности. В отличие от Дашки.

Вдогонку он самодовольно бросил:

– Я так же реален, как и другие! И даже больше.

Что было чистой правдой.

Через неделю Дашка сообщила всем, что скоро уедет учиться за границу. Но чрезмерно радостное щебетание не могло скрыть в ее глазах нечто, понятное только мне: страх.

Я уверилась в своих ощущениях, когда однажды, выйдя из лица, заметила знакомую ядовито-желтую машину. Дашка как раз захлопывала дверцу за собой. А после послушно... нет, покорно повернулась к Кристофу, и он тут же обнял ее уверенным движением. Как собственность. Не удостоив взглядом ее безжизненного, бледного лица...

На следующий день я подстерегла ее в раздевалке и прямо спросила о причинах отъезда.

Она долго молча глядела мимо меня куда-то в пустоту, столь явно погруженная в мысли, далекие от действительности... И я поняла, что не услышу ответа. Все так же в полусне она двинулась к выходу, но у порога с видимым усилием заставила себя обернуться.

– Берегись его, Диана. Он опасен.

– Знаю, Дашка! Я и тебе пыталась это сказать столько раз, но ты не слушала!

Мой лихорадочный тон не оживил ее и на миг.

Она придержала дверь, собираясь с силами. Казалось, каждое движение дается ей с трудом, такой медлительной и усталой она была.

– Да, теперь я понимаю. Но он представлялся мне таким идеальным... вначале... Мы встретились на улице, он предложил подвезти, букет подарил – красные розы...

– И ты согласилась! – Конечно, она была не первой и не последней душой в этом мире, но все же я не могла избавиться от ощущения вины: приволокла свое чудовище в ее жизнь!

– Не знаю, как объяснить... Но отказать ему было невозможно! Вначале я даже была уверена, что влюблена. Вот только... он – такой чужой, Диана. И я не думаю... – и без того тихий, голос Дашки почти исчез, – я не думаю, что он вообще умеет любить.

Подсознательно чувствуя, что вряд ли мне еще выпадет шанс задать этот мучительный вопрос, я быстро придвинулась к ней и шепнула:

– Дашка, что он тебе сделал? Почему ты так напугана?

Она побледнела еще больше и метнулась из раздевалки, сбив кого-то с ног!..

Уже на следующий день она не появилась в лицее, хоть должна была уехать только через две недели. И больше я никогда не видела мою подругу, красивую и наивную Дашку... Но из многих навсегда запомнила именно ее.

С каждым годом своей ущербной жизни я задавала себе все больше вопросов. Еще ребенком я осознала: подобное не происходит больше ни с кем из знакомых мне людей. Это лишь моя маленькая грязная тайна.

Что со мной не так? Что такого ужасного в детстве я могла совершить, чтобы быть вынужденной терпеть издевательства столько лет? Или все случилось еще в младенчестве (ведь Кристоф был в моей жизни, сколько я себя помню)?.. Бред! И почему, черт возьми, стоит только завести об этом разговор, меня наказывают самым жестоким образом?!

С каждым днем взросления мое терпение иссякало, а покорность растворялась в ненависти ко всем, кто меня окружал.

– Почему ты позволяешь ему так со мной поступать? – зло спросила я однажды у матери, толком не понимая, что же такого со мной делает Кристоф, но чувствуя, что после встреч с ним я будто умираю изнутри.

– Не твое дело, – ровно, хоть и несколько напряженно, ответила моя ласковая с другими мать. Моя мать, которая за всю жизнь мне ни разу даже не улыбнулась. Невероятно!

– Не мое?! В своем ли ты уме, мама?! – меня всю трясло. – О ком мы тут говорим? Обо мне!!! Это именно мое дело, поскольку мои проблемы больше некому решать! Тебе на меня наплевать и отцу наплевать. Для вас я будто не существую! Можно подумать, я – пустое место. Но я есть! Поймите же, я хочу всего лишь... – но я не могла найти слов, чтобы объяснить самому родному человеку, как я близка к ненависти. Что я уже ненавижу ее за равнодушие, за нелюбовь, за пустые, холодные фразы!

Я была еще очень слаба после вчерашнего (Кристоф приходил снова). Вместо облегчения каждый последующий вдох усиливал муку внутри, и вскоре я сползла по стене на пол, рыдая.

На какой-то миг показалось, что руки матери потянулись ко мне для утешения... Но она тут же вышла, оставляя мою сотрясающуюся от боли душу в одиночестве.

С каждым мгновением мне становилось все тяжелее жить дома. Да и был ли это дом – теплое, светлое, полное любви место? Нет, не был! Как и эти люди не были моей семьей.

Что угодно, лишь бы не находиться рядом с ними!

И я искала любой повод, чтобы сбежать. Цеплялась за любую компанию, шатавшуюся за полночь. Или просто бродила по городу до утра...

Странно, почему не нашлось на мою непутевую голову приключений, которые могли бы стать последними, – я, нетрезвая, часто бывала одна ночью в совершенно безумных местах!

Подобный образ жизни не мог пройти бесследно. Я стала значительно хуже учиться. С моими новыми «друзьями» попробовала крепкий алкоголь, стала покуривать, и не только обычные сигареты. В семнадцать лет впервые познала близость – не вполне трезвая и не совсем по своему желанию. Было паршиво! Но даже после, вытирая бесполезные слезы, даже тогда я знала, что в моей жизни есть кое-что еще более скверное...

Дома, конечно, пытались меня образумить. Но что они могли сделать?

Накричать? К крику и изоляции я привыкла. Выгнать меня из дома? Я там и так уже почти не жила. Избить? С болью у меня были такие давние отношения, что им, пожалуй, пришлось бы меня убить, чтобы произвести впечатление...

Наверное, единственное, что могло бы меня по-настоящему испугать, – это если бы Кристоф стал приходить три раза в году вместо двух.

И все время чувство, что за мной постоянно наблюдают, не оставляло меня. Более того, крепло, превращаясь в назойливый зуд в затылке.

Вскоре у меня появилась возможность утвердиться в нем.

Наступил момент, которого ждет каждый на пороге взрослой жизни: выпускной.

Так хотелось верить, что я уподоблюсь моим друзьям – обычным людям и почувствую счастье в этот день!

Валера, парень, с которым я только начала встречаться, жаждал провести со мной ночь после выпускного. И я не возражала. Мне было до боли нужно, чтобы рядом находился человек, которому я если не дорога, то хотя бы небезразлична.

Весь вечер я ждала, что появятся мои родные.

Хоть на минуту! Хоть одна улыбка... На нее у меня сегодня было право.

Оглядывая обширный зал роскошного лица, я не понимала – или же, наоборот, понимала слишком хорошо, – почему мне так горько.

– Ждешь сегодняшнего вечера? – жарко прошептал мне на ухо Валера и притянул к себе поближе. Он говорил еще что-то, посмеиваясь, но я не обращала внимания, а продолжала прочесывать взглядом толпу нарядных выпускников, их гордых и довольных родителей и гостей в поисках хотя бы одного знакомого лица...

И нашла.

Из дальнего угла, скрытый от посторонних взглядов, на меня смотрел Кристоф.

Страх разлился под кожей. Неожиданно все цвета стали режущее-яркими, звуки – оглушающе-громкими, будто кто-то переключил мир на другую волну... И в этот момент я ясно услышала пошлости, что шептал мне на ухо самоуверенный ухажер. Кристоф криво ухмыльнулся, не оставляя сомнений: он слышал все.

Стыд обжег меня, и я вывернулась из-под руки Валеры.

– Эй, ты чего?

– Ничего, – пробормотала я. – Голова болит.

– О, я знаю чудесное средство от головной боли! – произнес парень, принимая все за игру.

– Я тоже знаю – поспать хорошенько, и желательно в одиночестве, – бросила я раздраженно.

Валера хмыкнул, средство пришлось ему не по вкусу.

Отвернувшись, я набрала номер телефона матери и спросила, где она. Сонный голос стал объяснять, что у Наташи сегодня праздник – мужа повесили, и они всей семьей празднуют. Очередная ложь.

– А я кто, не семья? Кто я, мама? – Мне ответили равнодушные гудки. – Ты даже не заметишь моего исчезновения...

Забыв про сумочку и не обращая внимания на косые взгляды, я метнулась на улицу!

Было тепло, как и должно быть в конце мая. Но меня била крупная дрожь, и легкое шелковое платье тряслось вместе со мной. Каблуки нервно стучали по дороге.

– Стой! – услышала я голос Валеры позади. – Диана, погоди!

Он подошел ближе, протягивая мою сумку, и в его взгляде явно читалось: все ли в порядке у нее с головой?

Было ли с моей головой все в порядке? Думаю, нет... Мои эмоции раскачивались, как огромные неустойчивые качели, и стоило невероятных усилий уклоняться от них, чтобы они не сбили с ног...

Вдруг мне захотелось поцелуя! Настоящего, такого, чтобы забыть обо всем на свете и жить лишь в бесконечном моменте огня... Жить!

Несколько шагов, и вот уже наши губы слились. Но, увы, этот поцелуй был так же далек от желаемого, как и вся моя покалеченная жизнь.

Некстати подумалось, что со стороны это, наверное, сморится так романтично – высокий парень в костюме и рядом девушка в нежно-розовом платье. И, погружаясь в сумерки, они целуются, забывая обо всем...

Неужели все вокруг не так, как выглядит?

Я захотела освободиться, но Валера лишь сильнее обнял меня за талию.

– Сказала же, нет! – с силой оттолкнув его, я бросилась бежать. Сначала он решил меня догнать, но ему быстро надоело. И он постарался отомстить за «испорченный» вечер как мог:

– Все равно ты подстилка! Шлюха, вот ты кто!

Горькие слова стегнули хлыстом.

Я запрыгнула в машину и повернула ключ зажигания раньше, чем поняла, что делаю. Мне нужно было выбраться, вырваться из всего этого! А близлежащий лес – наше любимое место для пикников – так манил обещанием тишины...

Прошел лишь месяц с того дня, как мне исполнилось восемнадцать, и за рулем я чувствовала себя еще очень неуверенно. Но сегодня это не имело значения – здания, люди, деревья неслись мне в лицо на огромной скорости!

Я должна была бы разбиться... Но стоило ли радоваться, что уцелела?

Смеркалось. Безразлично бросив машину у леса, я шла вглубь сквозь кустарник, спотыкаясь о корни, цепляясь волосами и платьем за колючие ветки... Наконец, добравшись до места, где мы часто бывали с друзьями, вдали от любопытных глаз, я дала волю слезам.

Почему?! Почему я с рождения существую подобно привидению – все вокруг материально, но я не могу ни к чему прикоснуться? Ведь мне же немного хочется – обычной жизни! Почему?

Я рыдала... и рыдала... не ощущая облегчения, – мука запустила когти глубоко. Но спустя долгое время на смену слезам и ярости, как всегда, пришел покой.

Застыв без движения, глядя в точку, я вдруг вспомнила о Кристофе и с ужасающей ясностью представила, как мне до конца своих дней придется следовать за ним в комнату, падать в бездонный колодец забвения, а потом снова и снова проходить через изматывающую боль.

Ни за что!

Рядом за обрывом несет свои темные воды река. Говорят, утонувшая молодая девушка превращается в лесную нимфу, и человеческая судьба – пустая и бессмысленная – больше не волнует ее. Такое будущее мне по душе! Разве может быть в моем ненормальном мире что-нибудь лучше?

Уверенно и спокойно я шагнула к обрыву...

– Даже не думай!

Голос застиг меня врасплох. Я не ожидала услышать его. И даже почти забыла о его существовании – с жизнью и всем остальным в ней было покончено!

Но внезапно для самой себя быстро нашлась:

– Скажи мне, кто ты, и я вернусь, – и сделала еще один незаметный шаг. – Тебе даже не придется портить дорогую обувь.

– Почему ты так уверена, что я захочу тебя спасти? – Кристоф насмешливо осматривал меня, растрепанную и зареванную, с ног до головы.

Меня утешила мысль, что он попытается меня спасти... но не успеет!

– Ты был моим кошмаром на протяжении восемнадцати лет. Ты не предупреждал, когда придешь, и я все время пребывала в состоянии страха, ожидая. Когда же приходил, я испытывала ни с чем не сравнимый ужас. – Удивительно, но сейчас я почти совсем не боялась! И была рада высказать все ему, наконец. – И я не могу, не хочу и не стану жить дальше, постоянно в ужасе ожидая прихода человека, про которого ничего не знаю, но которому позволено в любое время входить в дом, ко мне в комнату и...

Пока говорила, я делала мелкие незаметные шажки в сторону обрыва, в то время как он продолжал стоять на месте далеко от меня. Я видела его неподвижный высокий силуэт и даже успокоилась: теперь он не сможет мне помешать – край был уже под моей ногой.

– Тогда сделай это, – Кристоф был невозмутим. – Прыгай!

– И ты мне не помешаешь? – Его противоречащие друг другу фразы сбивали с толку.

– Почему же, – снова до безумия нелогично ответил он. – Еще как помешаю!

– Но не успеешь! – я почти торжествовала, если это только возможно на пороге смерти.

– Пойми же, я всегда получаю то, что хочу!!! – внезапно прорычал он. – А сейчас мне нужно, чтобы ты жила. И значит, ты будешь жить! Но интересно узнать, – тон переменялся, пропитавшись сарказмом, – решишься ли ты прыгнуть, понимая, что через мгновение кислород перестанет поступать в легкие, что будет очень больно, захочется вдохнуть, но будет лишь вода. Или это только слова?

– Будет больно? Эка невидаль... – шепнула я зло, делая последний шаг.

И почти успела.

– Мои глупые подружки считают, что ты необыкновенно красив, представляешь? Да в тебе столько же красоты, сколько в чудовище из ночного кошмара! Твое равнодушие всегда пугало меня. А еще больше пугали твои глаза – пустые, мертвые... И от тебя веет страхом... Но знаешь, тяжелее всего понимать, что это – мой страх.

Кристоф тащил меня через лес, бесцеремонно перекинув через плечо. Стресс всех сегодняшних событий сделал свое черное дело – мои слова лились нескончаемым бесконтрольным потоком.

Чего я ему только не наговорила! Еще вчера от самой мысли высказать ему наболевшее вслух меня бы наверняка накрыл приступ паники. Но сейчас я говорила, говорила все, что приходило в мой измученный разум, и остановиться не было никакой возможности...

– Наверное, тебе нравится, что я тебя так сильно боюсь. Поняла! Это твой кайф! У тебя же тоже должны быть слабости, ведь ты же человек... ну или почти... тебе тоже должны быть не чужды человеческие чувства... Хотя нет, не думаю. Помнишь праздник, когда мне исполнилось пятнадцать? Сколько дней после я шарахалась дома от каждой стены, видя твой призрак повсюду... Ты – сволочь! Ведь ты и вправду был там, я знаю, ты...

Он внезапно бросил меня на холодную мокрую землю, не побеспокоившись облегчить удар.

«Завтра будет синяк на полбедре», – подумала я отстраненно.

От моего прекрасного платья, созданного по всем канонам шика, остались одни воспоминания... Ужасные воспоминания.

Вдруг это показалось мне необыкновенно забавным, и я затряслась от нездорового смеха, который логично перетек в озноб...

«Если не получилось умереть, – пришла мысль, – придется еще пожить».

Ночная прохлада снова заставила съежиться. В постель бы, под одеяло...

– Я устала, – мой голос звучал хрипло и простуженно. – Делай что хочешь, но отвези меня домой!

Кристоф хмыкнул, а потом склонился ближе к моему лицу:

– Рано еще.

– Что рано?

– Рано еще делать, что хочу.

Когда до меня дошло, что подразумевали его тон и взгляд, я лишь вздохнула, качая головой. Должно было бы стошнить. Но, наверное, к данному моменту черта, за которой меня уже ничто не могло шокировать, осталась позади, и поэтому я не в силах была реагировать естественно.

– Как же ты меня достал... Ты хочешь казаться умным, а на самом деле просто не способен найти хорошую отговорку, чтобы не быть лишним в моей жизни, – я с трудом поднялась с земли. – Отвези меня домой! Я замерзла и спать хочу! Немедленно!

Не топнуть ногой стоило мне усилий.

– Это приказ? – голос Кристофа был полон иронического недоумения.

– Ну что ты! Кто я такая, чтобы приказывать тебе?!

Мою язвительность резко оборвали:

– Совершенно верно, ты – никто.

Он сказал это так убежденно, что бесчисленные ледяные иглы вонзились в мою кожу, и на какой-то миг я на самом деле ощутила свою ничтожность рядом с ним: в его власти было решать – умереть мне или жить. И если жить, то как именно... Он был хозяином моей судьбы.

Но я стяхнула наваждение и зло произнесла:

– Может, я и никто. Но тогда... К чему столько чести? Ты следишь за мной, постоянно рядом, жизнь мне спасаешь. Кстати! Забыла тебя поблагодарить. Огро-о-мное тебе спаси-и-бо! – я низко склонилась, паясничая, но тут же поднялась и почти выплюнула ему в лицо: – Кем бы я ни была, но я важна для тебя, Кристоф! Давно поняла!

Он сжал кулаки, и появилось ощущение, что вот сейчас этот монстр меня ударит...

Но он лишь скрипнул зубами:

– Очень скоро, Снегова, у тебя прав останется не больше, чем у дворовой собаки. Попадешь под управление моей семьи! Будешь полы драить, серебро чистить – будешь при деле. И мне уже не придется носиться с тобой, будто ты что-то большее, чем просто человек. Я наконец-то освобожусь от наблюдения за тобой... и от тебя самой...

Кристоф говорил со странной нотой обреченности, но в то же время так яростно, что я подумала, может быть, он и не шутит.

Но долго думать о чем-либо я уже не могла: ноги меня еле держали. Поэтому решила со всем соглашаться, если это хоть на шаг приблизит меня к подушке.

– Вот и хорошо. А пока отвези меня домой. П-пожалуйста, – на последнем слове мои глаза уже закрывались.

Едва сев в машину, я погрузилась в сон.

Так закончился мой выпускной, один из самых счастливых дней для нормальной девушки...

А утром я проснулась в своей постели и долго пыталась сложить вместе обрывки вчерашних воспоминаний. Но совершенно не могла определить, кто отнес меня в спальню и раздел... И был ли человек, сидевший у моей постели до утра, реальностью или обычным сном.

Едва окончив школу, я потребовала у моих весьма обеспеченных родителей отдельное жилье. Привыкшая к их практически полному безучастию в моей судьбе, я не сомневалась, что проблем с переездом не возникнет. Скорее наоборот, они будут даже рады избавиться от нежеланной, а теперь еще и непутевой дочери...

Но меня ожидал сюрприз: и мать, и отец настаивали, чтобы я ни в коем случае не покидала дом. Я была удивлена и раздражена одновременно – слишком поздно они проявили свою заботу! К тому моменту их мнение уже ничего не значило, и так или иначе, но остаться я не собиралась.

Однако, как оказалось, против была не только моя семья.

Он ворвался в мою комнату, лишенный привычной сдержанности и равнодушия, – разъяренный! Напуганная воистину нечеловеческим выражением его лица, я попятилась к стене...

– Собираешься? – Кристоф был необыкновенно любезен.

– Как видишь, – ответила я, громко сглотнув, теснее вжимаясь в стену. Внутри все дрожало.

Наконец он обратил внимание на мою позу и саркастически заметил:

– Да ты, похоже, меня боишься?

– С чего ты взял? – я, наперекор своему ужасу, отошла от стены.

Он шагнул ближе. Во мне все молило: отступи! Но я невысказанным усилием воли держала тело в повиновении. Он сделал еще один шаг. Я уже еле дышала. Еще один... и он оказался почти рядом и быстрым, неуловимым движением руки коснулся моей шеи. Я услышала барабанную дробь своего сердца под его пальцами.

Губы Кристофа скривились в отвращении.

– Ты и представить не можешь, как надоела мне за восемнадцать лет!

– Ах, извини, что со мной столько проблем! – вся злость, накопившаяся за последние дни, вырвалась наружу вместе с восклицанием. – Вот только один вопрос: кто тебя просил меня... – я тщетно искала подходящее слово, – опекать?! Насколько помню, я тебе в компанию не навязывалась!

– Да если бы ты знала, сколько раз я тебя спасал от смерти, ты бы молчала, глупая!

– Спасал, ну да... А Валера? Мой парень. Бывший парень. Этот тоже был для меня опасен? Ведь сейчас он, если не ошибаюсь, в реанимации с серьезными повреждениями. Его избили ночью в собственной комнате! Медики опасаются за его психическое здоровье, так как он, ненадолго приходя в себя, все время твердит о монстре. И что самое отвратительное, я знаю, о каком монстре идет речь!

Я тут же пожалела, что не сдержалась, – его тело странно напряглось, глаза недобро сверкнули. Но он подчеркнуто спокойно взял в руки небольшую коробку с моими вещами. Посмотрел. Бросил на пол. Снова взглянул на меня.

И мне не понравился этот взгляд.

– Я не собираюсь... бояться тебя, Кристоф!

Он приподнял бровь в изумлении.

– И оправдываться тоже не собираюсь! Как и любой другой человек, я могу строить свою жизнь как захочу, – я говорила подчеркнуто утвердительно, отчаянно желая, чтобы это было истиной. – И никто не вправе мне мешать!

– Ты думаешь?

Резко развернувшись, я бросилась к двери, надеясь, что он не успеет. Тщетно! Кристоф уже преградил выход.

– Пусти! – яд злости снова жег мне вены.

Но, к моему удивлению, Кристоф уже был спокоен, даже расслаблен, в глазах его светилось... торжество! Так и было, если учесть, сколько он ждал момента, когда сможет сказать мне следующие слова:

– Через три дня ты уедешь. И предупреждаю: с собой тебе позволено взять только то, без чего не сможешь обойтись, – он ткнул ногой небольшую коробку. – Собери сюда лишь необходимое и во вторник жди моего приезда. И хорошенько подумай, прежде чем укладывать всякую ненужную дрянь...

– Что?! – ошарашенно выдавила я.

– Только без истерик, ладно? – произнес он раздраженно. – Ведь я говорил, что так будет.

Не осознавая, что делаю, я подошла к нему вплотную.

– Говорил? Я помню только путаные слова о том, что скоро я лишусь любых прав, данных человеку от рождения, и какие-то невнятные намеки на...

– Но ты не верила, – с явным удовольствием прервал меня Кристоф. – Думала, я шучу. Думала, я тебя запугиваю, да?

– Да! – закричала я. – Да, черт тебя побери, да!

Он склонил голову набок, осматривая меня так, как осматривают товар в магазине.

– И теперь тебе страшно по-настоящему, – произнес он утвердительно.

Так и было.

– Думаю, пора тебе поговорить с отцом. Передай, что я приказал, и он все тебе расскажет, – Кристоф развернулся и вышел из комнаты. Очень довольный.

До ужина я пыталась чем-то себя занять. Но каждые несколько минут слышала: «Через три дня ты уедешь». И останавливалась как вкопанная... Из моих рук валились случайные вещи, весь пол уже был устлан ими, как после метели...

Слова не укладывались в моей голове!

Кристоф мог появляться в нашем доме два раза в год для своих непонятных мерзких забав со мной. Он мог встречаться мне иногда вне дома. Но что же значили его слова: «Через

три дня ты уедешь»? Неужели меня действительно отправят куда-то и заставят работать прислугой?..

Стало дурно. Я, хоть и нелюбимая, росла в состоятельной семье, окруженная комфортом. Это у меня была прислуга!

И будет ли там, в чужом доме, ко мне так же два раза в год приходить Кристоф? И надо ли будет его приходы как-то объяснять окружающим? Но все же главный вопрос – почему? Почему страшное и необъяснимое происходит именно со мной, а не, например, с моей сестрой Наташей или с соседкой, наконец? И почему мои родители это позволяют?! И какого дьявола я должна это терпеть?!!

За ужином царила мертвая тишина, словно семья собралась не за столом, а перед скамьей присяжных. Мои родные почти не шевелились и, было впечатление, даже не дышали. Чем дольше я на них смотрела, тем больше казалось: они медленно покрываются инеем.

Я взглянула на свою мать, на ее крепко сжатые губы, на отца, ковырявшегося в тарелке, на старшую сестру и лишь потом на Лидию, которая даже не улыбнулась в ответ. Ее глаза будто уменьшились, а губы сложились в тонкую полосу, что всегда было признаком крайнего волнения.

Наконец, когда напряжение стало невыносимым, отец решился:

– Сегодня к тебе приходил Кристоф? – Тишину за столом уже можно было резать ломтями.

– Да, приходил.

Молчание. Наташа склонила голову, и я вдруг поняла, что ей давно все известно.

– Но ведь он уже... приходил в этом году два раза, – отец безуспешно изображал интерес к еде – непринужденный тон ему не удавался.

– Точно.

– И что хотел?

Я посмотрела ему в глаза. Как же они походили на мои, темные глаза семьи Снеговых. За годы своей жизни я видела отца равнодушным, злым, раздраженным, но никогда – напуганным. В отличие от сегодняшнего вечера.

– Он сказал, что во вторник я должна уехать вместе с ним.

Рука матери задрожала, и вино пролилось на красивую скатерть.

– Как? Так быстро?! – воскликнула она, но тут же поняла свою ошибку и коснулась рукой лица, будто стирая доказательства возгласа.

– Самое время объясниться, не так ли? – я улыбнулась, напугав всех за столом. – Он сказал, что сегодня вы мне расскажете правду, это его приказ! – я процедила по слогам. – Давайте же, объясняйте, почему ко мне в комнату всю мою жизнь вламывался незнакомый человек, который никогда не меняется и который теперь хочет меня забрать неизвестно куда, а вы все это позволяете?!.

И мне объяснили.

Он пришел в наш дом через месяц после моего рождения.

Отец, бледный, ничем не напоминающий того уверенного в себе состоятельного человека, каким все его знали, позвал мою мать, тетю и своего брата. Избегая их взглядов, нетвердым голосом он сообщил, что ожидает посетителя и что они должны присутствовать при предстоящем разговоре.

Они вчетвером со страхом наблюдали за тем, как в гостиной появился старик. Он производил очень странное впечатление: бледная, почти с голубым отливом, кожа, длинные тон-

кие пальцы злодея, седые ухоженные волосы. Ему был бы к лицу деловой костюм, а не то тряпье, в которое он был одет. Старик выглядел измученным и слабым, но моя семья прекрасно понимала – это лишь маскарад, и на самом деле в нем достаточно силы, чтобы одной рукой играючи уничтожить всех жителей дома.

Правду говоря, мой отец этого и опасался. Дело в том, что когда-то, в дни голодной и нищей юности, Ярослав Снегов встретил удивительного старика с хищным взглядом, более уместным на лице молодого, исполненного жизненной силы человека. Он был очень богат, но «странностей» имел столько же, сколько и денег, – предложил моему отцу сделку, которая и обрекла меня на проклятую жизнь. Незнакомец пообещал парню исполнить все его материальные мечты, но в уплату потребовал самое ценное – ребенка. А если их будет несколько, то сказал, что сам выберет одного из них.

К несчастью, мой юный отец согласился. Из-за глупости. Ведь не мог же он быть равнодушным к своему будущему ребенку, пусть еще не зачатому и не рожденному? Ведь не мог же он не любить меня уже тогда? Конечно, из-за глупости. Я хочу думать именно так...

Он не сомневался, что получит желаемое, поскольку видел могущество своего «благотетеля». И он не был настолько наивен, чтобы не понимать: платить придется!.. Но тогда, в юности, цена не показалась ему непомерно высокой. Ему хотелось сразу наслаждаться всем, что только можно получить от судьбы.

И лишь намного позже отец понял, что наделал!

Он был еле жив от страха, когда ждал рождения своего первенца, моей старшей сестры Наталии... Но старик не появился.

Он был мертв от ужаса, когда через два года родился Павел. Но леденящий кровь посетитель не пришел и за ним.

Он узнал свой кошмар наяву, лишь когда родилась я.

Едва только увидев меня в крохотной колыбели, отец почувствовал, что час оплаты долга приблизился вплотную. Наконец, понимая, что откладывать более невозможно, он рассказал обо всем моей матери. И в какой бы ужас она ни пришла от будущего своего ребенка, в какую бы ярость ни впала от бездумного и бездушного поступка мужа, ничто не могло изменить прошлое! У них не было выбора. Неоткуда было ждать помощи. Они вынуждены были платить, ведь от гнева столь могущественного существа нет спасения, а теперь речь шла не только об их собственных жизнях, но и о жизнях моего брата и сестры...

И вот он – мистер Неизбежность.

Ярослав не видел своего кредитора долгих двадцать лет, но тот совсем не изменился: такой же старый и такой же молодой – с цепким взглядом черных, как бездна, глаз, резкой линией челюстей и неповторимой легкостью и грацией движений молодого спортсмена.

Его звали Дженоб, и он расслабленно наблюдал за семьей Снеговых – за моей семьей, в то время как я сладко посапывала в колыбели и не догадывалась, какие испытания готовит мне судьба.

– Говорите, – равнодушно приказал пришелец, рассматривая мою бедную красивую мать, на лице которой были видны следы от бессонных ночей и размытой слезами туши. – Я вас выслушаю и смогу наконец перейти к делу. Говорите же...

– Бессмысленно, – подавленно пробормотал отец. – Ты ее заберешь.

Моя мать всхлипнула, но под презрительно-насмешливым взглядом притихла и замерла в уголке дивана, будто сливаясь с ним воедино.

– Я лишь хочу знать для чего. Ведь мне известна... специфика вашего отродья! – не выдержав перенапряжения, отец повысил голос.

– Незачем позволять себе грубости, – отозвался Дженоб спокойно, – поверь, я прощаю тебя в первый и последний раз. А что касается... специфики... Люди с такой спецификой правят миром. Кому, как не тебе, знать? Ведь благодаря нам бедный студент Ярослав Сне-

гов получил жизнь, подобную этой! – он обвел взглядом роскошные хоромы и, неожиданно сверкнув глазами, прорычал: – Или ты уже забыл, как стыдился входить в мой дом?! Как не верил в существование прислуги, одетой в униформу?! Как боялся сесть в машину, которая стоила дороже, чем все имущество, которым владела твоя семья?!

Дженоб властно подошел к столу и, будто зная расположение всех вещей в доме, будто бывал здесь каждый день, нашел бар и вытащил бокалы вместе с бутылкой. Наполнил один из них вином, но пить не спешил.

– Дело в том, что добывать пропитание сейчас очень сложно, и даже мы вынуждены соблюдать некоторую осторожность, – он сделал паузу и с отвращением посмотрел на напиток. – Так уж случилось, что у моей дочери...

– У тебя есть дочь?! – воскликнула моя мать.

– Да, есть, но она больна. И больна уже давно... Дольше, чем вы можете себе представить.

Дженоб смотрел на моих родных и, наверное, удивлялся, зачем он все это рассказывает. И тем не менее он продолжил, видя в их глазах такой неуместный сейчас интерес к его истории, истории одного из древнейших существ на земле...

– Много лет назад я узнал, что есть люди, кровь которых имеет немного иной состав, чем у всех остальных. Они ничем не отличаются внешне, но для нас их кровь целебна. Ты, Ярослав, являешься лишь носителем гена, что вызывает данную особенность, и я очень долго ждал, пока у тебя родится ребенок, в крови которого проявятся нужные мне свойства.

– А что будет с моей дочерью потом? – спросил отец с дрожью. – Она выживет после... использования?

– Не знаю, и, если честно... – Дженоб встряхнул головой, – мне плевать! Ты понимал, на что шел. Теперь жалеть поздно.

– Я не...

– Хватит! – в старике вскипела ярость. Он очень устал от бесконечного ожидания, от nepозволительной для себя злости, от презрения, которое испытывал к Ярославу Снегову, человеку, отдавшему самое ценное взамен на глупые бумажки, и ему было невыносимо жаль, что придется ждать еще около двадцати лет, пока моя кровь не созреет для использования...

– Я сказал, что заберу ее, и сделаю это! Но не сейчас – когда придет время. Если она выживет, то вернется... Хотя не советую поддаваться иллюзиям. Если же нет... – Он помолчал, будто думая, стоит ли тратить время на утешение мерзкой семейки. – ...у вас очаровательная старшая дочь и сын, очень похожий на мать. – Он холодно улыбнулся.

Но его комплимент не был воспринят.

– А что нам делать все эти годы? – впервые вступила в разговор Лидия, моя тетя, единственная, у кого получалось хоть как-то бороться со страхом перед монстром. – Как смотреть в глаза девочке и знать, что она станет уплатой долга?

– О, я уверен, об этом стоит спросить Ярослава, у него было достаточно времени на размышления! – старик откровенно насмеялся. – А насчет того, что делать... Кормите вовремя, болеть не давайте и следите, чтоб спала много. Остальное для меня не имеет значения!

Дженоб поставил на стол нетронутый бокал с вином, обернулся, собираясь идти, но потом, как будто вспомнив о чем-то, добавил:

– Дважды в год к вашей дочери будет наведываться мой сын. Он будет проверять состав ее крови и определит момент ее готовности. Во время его визитов оставляйте его наедине с дочерью на один час и никогда не спрашивайте, что с ней случилось за это время. А если будет рассказывать сама – обрывайте на полуслове. Ясно?

Вот так я и стала чем-то вроде вещи, взятой в долг: неудобно и со временем надо вернуть. Мне предстояло жить, не подозревая о своей ужасной судьбе... Хотя как я могла не подозревать, если в моей жизни был он... чудовище в человеческом обличье!

– Как выглядит ваш сын? Как мы его узнаем?
Дженоб улыбнулся: вопрос был очень глупый.
– Скажем так... При взгляде на него вы захотите упасть на колени.
И он не преувеличивал, поскольку так и случилось.

Наконец в моем мире все встало на свои места! На все мучавшие меня столько лет вопросы были найдены ответы. Наконец-то я поняла причину равнодушия семьи – они знали, что однажды за мной придут, и не хотели привязываться. Вот почему никто не обращал внимания на мои слезы, вот почему никто не любил меня!.. Наверное, с первых же дней они старались даже не думать обо мне как о родной. Воспринимали меня лишь как плату. Так было проще.

Наконец я поняла, почему так часто видела ненависть в их глазах: я всегда находилась рядом – живое напоминание вины, терзавшее их муками совести. И муками ужасными! Ведь невозможно было изменить их прошлое. И так же невозможно – мое будущее. За эту муку они меня и ненавидели, за это постоянно кричали и наказывали, не забывая и малейшего проступка!..

За свою вину. За то, что продали родную дочь.

Выходит, подумалось, я с самого рождения принадлежу семье Дженоба. Я фактически их собственность! За мной следили, приглядывали, берегли... ценное лекарство.

Меня осенила последняя догадка. Я скоро умру. Отдам свою кровь той, что ждала ее веками, и она выздоровеет, выпив меня досуха...

Сердце болезненно сжалось.

И неожиданно меня захлестнуло страстное желание жить. Пожить еще хоть немного! Сколько получится.

Я встала из-за стола и посмотрела на лица абсолютно чужих мне людей. Мне хотелось бы увидеть раскаяние, сожаление, боль... Но все, что я смогла разглядеть, – до какой же степени они боялись своих кредиторов.

Бежать! Бежать, не оглядываясь, как можно дальше и как можно скорее! И что бы ни лежало впереди – нищета, голод, мучения, это не может быть хуже того, что произойдет неизбежно, если я смирюсь.

Обрести свободу! Ведь, оказывается, ее у меня никогда и не было! А что может быть лучше, чем выбирать самой, как жить?

И жить ли вообще.

Мне всегда казалось, что времени много. Что оно разливается передо мной безбрежным океаном, уходя за невидимый горизонт. Что оно растягивается, подобно мягкой и тонкой резинке, и способно вытянуться так далеко, как мне хочется... и еще дальше...

Но тогда, слушая стук часов в своей комнате, я впервые ощутила, как равнодушная судьба отрезала целые минуты, выбрасывала целые четверти часа из моей короткой – до ужаса короткой! – жизни. Теперь каждое мгновение имело значение.

Мне хотелось жить.

Я не могла понять: как же я не догадалась обо всем сама? Как могла не замечать очевидного? Почему игнорировала чувство опасности, которое всегда испытывала рядом с Кристофом? Ведь все, что с ним было связано, кричало: беги! спасайся! Была ли я убаюкана привычкой?..

Чемодан я собрала в считанные секунды. Но все равно продолжала с маниакальной заикленностью проверять его содержимое, пока не осознала: мне абсолютно неважно, забыла я что-то или нет.

Я вновь (в который раз?) взглянула на часы.

Все еще не время. Никогда не думала раньше, что один час – так долго...

После рокового ужина моей единственной мыслью было бежать. Как, куда и другие подобные по разумности вопросы не держались в моем кипящем сознании. Но, оказалось, был человек, который обо всем подумал за меня.

Только я влетела в свою комнату, тут же услышала за собой быстрые шаги – Лидия. Захлопнув за собой дверь, она резко притянула меня к себе и еле слышно, задыхаясь от волнения, зашептала прямо в ухо:

– Диана, возьми. – В мои руки ткнулся маленький сверток. – Это документы на чужое имя, я давно их приготовила... Здесь еще немного денег, на первое время тебе должно хватить. Через три часа будет готов самолет, куда лететь – сама скажешь, пилоту уплачено наперед за самый длинный перелет... Смотри в окно, через час подъедет машина – не мешкая, садись в нее! Тебя отвезут в аэропорт к самому трапу.

Тетя отстранилась, конвульсивно вздохнула и с болью посмотрела на меня:

– Мы никогда больше не увидимся, Диана! Девочка моя, ты знаешь, я люблю тебя...

Я знала, но неожиданные слезы потекли по щекам: никто никогда не говорил мне этих слов.

– Как жаль, что я не могу сделать для тебя ничего больше.

– Тетя...

– Молчи, нет времени! Мы больше не должны видеться и говорить, – она снова обняла меня крепко, до боли. – Прощай, милая...

В следующую секунду ее уже не было в комнате.

И вот я ждала машину, глядя в окно. Я думала о Лидии, о том, как она, бездетная, посмела преступить негласный договор в доме и полюбить меня. Попытаться спасти. Но вот вопрос: будь у нее свои дети, не осталась ли бы и она в стороне, чтобы защитить их, как сделали мои родители?..

Наконец подъехала машина, даже раньше, чем истек этот мучительно долгий час. Хорошо.

Я схватила чемодан и помчалась, набросив по пути легкое серое пальто. Как же я ненавидела его раньше! Теперь оно станет моим любимым – сливающимся с серым миром вокруг, превращающим меня в незаметную тень...

Садясь в машину, припаркованную напротив дома, я сделала то, без чего думала обойтись, – оглянулась.

Но мне не было больно. Наоборот, я испытала облегчение. Так тяжелобольной, долго ожидая опасной операции, идет на нее почти спокойным. Хотелось хоть каких-то перемен...

Может, будет хорошо – забыть это место, этих людей, этот страх. Найти работу, жилье, стать нужной кому-то. Может, мне понравится быть новой собой, которая краснеет от комплиментов, не использует грубых слов и (не глупо ли надеяться?) представляет, что такое любовь? Может, я буду счастлива?..

Я знала, что до взлетной площадки приблизительно полтора часа езды – не так много, но и не мало. Достаточно, чтобы успеть подумать обо всем важном.

Например, о моей жизни без Кристофа. Было в данной фразе что-то безумное. Как в вопросе: «А есть ли жизнь после смерти?» Да возможно ли это? Я никак не могла себе представить, что будут проходить дни, недели, месяцы и, наконец, годы, а я так и не увижу его снова. Что я... перестану бояться!

Чем больше я думала, тем больше понимала: ни необходимость подчиняться ему, ни даже боль, которую он мне приносил, не мучили меня так сильно, как страх, вечный страх перед ним, пропитавший все мое существование насквозь...

Кстати, а ведь Кристоф, должно быть, даже не допускает попытки побега!

Мои губы сами растянулись в злорадной усмешке.

Он так в себе уверен, так силен, что даже охрану не удосужился поставить! Или надеется, что ужас парализовал меня?.. Ну уж нет, он больше никогда не увидит мой страх!

Погруженная в мысли о столь важных вещах, я мало обращала внимания на время и место, в которых находилась. Но глянув за окно, увидела бесконечный лес, пролетавший мимо.

Что-то было не так.

– Мы едем слишком долго, – нервно сообщила я водителю.

– Не беспокойтесь, барышня! – сразу отреагировал он. – Вот заедем за угол, и тогда уже все, барышня!

За угол? В лесу? И напевное «барышня» звучало уж слишком необычно... Как из прошлого.

– Нет! – закричала я сдавленно. Сердце ускорило темп втрое!

Водитель обернулся. Мелькнули насыщенно-красные глаза и совершенно дикая, нечеловеческая улыбка.

– Догадались-таки, барышня, – сокрушенно вздохнул он. – Жаль, конечно, но что поделаешь...

Он отвернулся и как ни в чем ни бывало продолжил путь.

Я лихорадочно зашарила по дверям, пытаюсь открыть, но они были заблокированы. Думала ли я, что уцелею, выпрыгивая на ходу из машины, или надеялась, что смогу убежать от него ночью в огромном лесу? Сомневаюсь, что я вообще могла думать в данный момент.

– Куда вы меня везете?! – Адреналин заставлял действовать, пусть это был хотя бы разговор.

– Да не бойтесь вы так, барышня, ничего плохого с вами не случится. Господин приказал вас беречь, а не... гм... в общем, ничего плохого не приключится... с вами, – водитель был так спокоен и убедителен, что если бы не это «барышня» и не его лицо, можно было бы подумать, что ничего особенного не происходит.

– Господин – это Дженоб?

– Нет, барышня, не совсем.

Дальше я не спрашивала.

Боже, какая дура! Как я могла подумать, что они оставят меня без присмотра! Меня, «ценное лекарство» для дочери самого Дженоба, меня, которую целых восемнадцать лет стерег его сын лично!

Внезапно меня ужалила мысль: Лидия! Что с ней будет? Ведь они наверняка знают, кто мне помог! И что будет со мной? Какое наказание ждет беглого раба? Убивать меня, конечно, не станут – я им еще нужна живой, по крайней мере на некоторое время. Но курс истории убеждал, что смерть – далеко не самое худшее из возможного.

Мне стало плохо.

Машина замедлила ход. Лес расступился, и на фоне более светлого неба проступил силуэт массивного сооружения, напоминавшего заброшенный завод. Вдоль дороги возвышались огромные кучи хлама, которые, если присмотреться внимательнее, окружали сооружение широкой полосой. Впечатление заброшенности окончательно разрушали смотровые вышки с охранниками по периметру высокой внутренней ограды.

Мы остановились перед воротами. Водитель вышел, открыл мне дверь, вежливо улыбнулся и подал руку – все почти по-человечески, но меня затрясло от отвращения при мысли, что надо коснуться его руки, и я отказалась от помощи. Он безразлично пожал плечами и пошел к охране, даже не оглядываясь посмотреть, иду ли я за ним. Судя по всему, бежать не имело смысла.

– К кому? – спросил охранник.

Такой униформы я еще никогда не видела.

– К господину.

– Разрешение есть? – но, несмотря на недоверчивый взгляд, парень уже стоял по стойке смирно.

– Он нас примет, – ответил мой похититель убежденно. Он мгновенно преобразился, любезно-равнодушное выражение лица слетело, и его место заняла другая маска: жесткая, уверенная, беспощадная. – Послушай, низший, ты ведь не хочешь проблем? Позволь господину самому решать свои вопросы, а не через посредников. Ты на эту роль не годишься!

– У меня был приказ, – ответил охранник, не сдаваясь, – не пропускать никого! Так что надо дожидаться разрешения на ваш вход, тем более с... посторонними.

Мне показалось, он хотел сказать что-то другое, но вовремя остановился.

Пока они громко спорили, я стояла в отдалении за машиной и с болезненной жадностью разглядывала все вокруг. И чем дольше я смотрела на каменную громаду здания, на многочисленную охрану, тем яснее становилось: отсюда не убежать.

Мой взгляд постоянно возвращался к той части леса, откуда мы приехали.

– Интересно?

Как он появился в поле зрения, я не заметила. На Кристофе был длинный темный плащ, окутывающий тело, подобно кокону из тьмы, и его бледное лицо, казалось, парило в воздухе: глаза, прищуренные то ли от злости, то ли от ликования, улыбка, полная сарказма.

Нет!

Еще не осознав своего движения, я бросилась бежать!

Я знала, что это бесполезно, что никогда не сравнюсь с ним в скорости. Знала, что он меня поймает, и ждала, когда руки сомкнутся вокруг меня... И все равно бежала!

Но, как ни странно, чужого прикосновения не было.

Поэтому я не останавливалась. Мчалась, как никогда в жизни! Казалось, позади оставались километры!.. Вот только лес тянулся все такой же плотной нескончаемой стеной.

Потом я начала уставать. Вдохи уже не приносили облегчения, воздух обжигал легкие, грудь разрывалась от боли, ноги переставали слушаться. Я падала все чаще...

И вдруг поняла, что он делает – загоняет, как зверя.

У меня не хватит сил убежать! Лес был невыносимо, неумолимо бескрайним...

Но все равно я не останавливалась. Уже не шла – брела, зацепляясь ногой за ногу... Наверное, больной старик легко бы меня обогнал. Наверное, он бы и чувствовал себя значительно лучше, чем я... Наконец, я упала и больше не смогла сдвинуться с места. Меня стотонным весом придавила темнота, и мир исчез...

Я проснулась от щекочущего ощущения – по щеке полз муравей. Все тело болело нещадно, будто меня избили палками. Но, пошевелив слегка конечностями, я поняла: это всего лишь боль после вчерашнего марафона.

Кто-то заслонил свет, падавший мне на лицо...

Я знала – кто. Он не увидит моего страха!

– Из тебя могла бы получиться неплохая спортсменка! – его голос был пропитан глубоким сарказмом.

– Ты не можешь обвинять меня в попытке убежать, Кристоф.

Медленно, подавив стон, я села и привалилась к ближайшему стволу.

– Неужели? – он скрестил руки на груди.

– Да! Любой здравомыслящий человек не согласится просто, без борьбы, потерять свою свободу и... жизнь. Я должна была попытаться. И попыталась! Иначе до последних дней проклинала бы себя, что не решилась...

Кристоф хмыкнул и холодно произнес:

– Идем, Снегова, у тебя есть уникальная возможность увидеть кое-что... интересное, – и он, рывком поставив меня на ноги, почти вежливо взял под руку, несмотря на то, что при этом ему приходилось практически тащить меня.

Зная, что бессмысленно, я все же не смогла удержаться и, не поднимая глаз, прошептала:

– Кристоф, отпусти меня.

– Есть в этой жизни то, что невозможно ни при каком раскладе, Диана, – ответил он так же тихо.

Мы прошли совсем немного, когда впереди промелькнул просвет – трасса. На обочине стояла все та же машина с вчерашним водителем. При нашем приближении он выскочил, распахивая двери. Хотя в свете дня его лицо выглядело еще более отталкивающим, я не испытывала страха перед ним. Все было безразлично, мне уже ничего не могло помочь...

Усадив меня на заднее сиденье, Кристоф занял место впереди. Он казался таким спокойным и расслабленным, как будто и не гонялся за мной ночью по лесу. Через несколько минут – а я-то, глупая, думала, что далеко убежала! – машина подъехала к уже знакомым воротам, которые без вопросов открылись, пропуская нас внутрь. Охрана стояла навтыжку.

Наконец я поняла, кто – господин.

Возле входа в здание машина затормозила. Водитель почти вылетел со своего места, открыл дверь... господину, а потом и мне. Руку больше не предлагал. Зато Кристоф крепко ухватил меня выше локтя и повлек за собой ко входу. Что бы меня там ни ожидало, это было страшно.

– Кристоф, я... я...

– Что?

– Я не буду пытаться убежать. Пожалуйста, отпусти.

Пусть видит, что я не боюсь... даже если умираю от страха.

Его рука разжалась.

Мы вошли внутрь и погрузились в глубокую тьму. И почему-то только здесь, только сейчас я поняла: Кристоф на самом деле крайне зол! Удивительно, как можно было не ощущать потока злости, рвущегося из его тела? Как я могла подумать, что он спокоен?

Мы шли недолго, около минуты. Кристоф остановился перед блестящей стальной дверью, и я услышала, как он набирает шифр. Электронное попискивание резко контрастировало с ржавчиной и грязью окружавшей нас комнаты. Дверь бесшумно отворилась, и из нее полился неяркий свет. Кристоф кивком головы приказал войти, и мне не оставалось ничего иного, кроме как шагнуть через порог...

Мы стояли на небольшом возвышении в просторном зале. Наверное, когда-то там был цех: маленькие окна под высоким грязным потолком почти не давали света, его недостаток возмещал белый гладкий пол. Основная часть помещения отделялась от парапета у двери

массивной решеткой. Справа и слева вдоль стен проходили глубокие стоки, и в них, словно анаконды, затаились длинные буро-зеленые шланги. В дальнем конце виднелась двустворчатая мощная дверь.

Внизу за решеткой – там, куда вела лестница, находилось около сотни человек. Одетые в одинаковую одежду, они казались слишком сонными, чтобы быть чем-то иным, чем просто громоздкими куклами. Некоторые из них стояли возле решетки и механически ощупывали ее, но большинство в оцепенении лежали на двухэтажных пластиковых нарах. Несмотря на значительное количество людей, было тихо, чисто и даже пахло приятно.

– Те, кто находится здесь дольше остальных, уже не хотят ходить, специальные препараты полностью уничтожили это желание. Кого привезли недавно, еще пытаются бежать, – голос Кристофа звучал почти по-лекторски.

Я стояла у гигантской клетки и замороженно смотрела на ее обитателей. Он был прав, проявляющие меньше активности даже выглядели иначе: очень бледные, почти неподвижные, с пустыми взглядами, они производили впечатление призраков – казалось, еще миг, и предметы станут видны сквозь их тела.

– Тебя ждет то же самое, если будешь создавать проблемы, – он стоял рядом и внимательно изучал мою реакцию. – Ты поняла?

Я подумала, насколько же сильно ненавижу это существо, и только после посмотрела ему в глаза, измеряя всю глубину моей ненависти!

– Ну что ж... – его взгляд стал напряженным и, как ни странно, неуверенным, – сама напросилась.

Он потянулся к двери, через которую мы вошли, и что-то нажал на сенсорном блоке управления рядом с дверью. Не успела я задуматься, что он имел в виду, как дальняя дверь распахнулась с приглушенным жужжанием, и в зал с людьми ворвались... они!

– Что... – я быстро повернулась к Кристофу – и забыла о словах.

На лице его появилось непривычное выражение – так мог бы смотреть владелец псарни на своих лучших собак.

– Понимаешь, Диана, – ласково обратился ко мне хозяин. – Все мои... подчиненные... должны чем-то питаться. Но, как ты сама понимаешь, охотиться на улице среди бела дня теперь небезопасно даже для них, – и он указал жестом на тварей, для которых не существовало в человеческом языке ни описания, ни названия. В чем, впрочем, не было никакой необходимости – никто из людей, увидевших эти огромные тела из бронированных мышц, когтей и клыков, не прожил бы достаточно долго для того, чтобы их описать или назвать.

– Поэтому мне и приходится заботиться об их благополучии – находить для них пищу, – он резко улыбнулся. – Помни, у меня много таких «тюрем»! В каждой найдется место и для тебя. А теперь... Смотри! – и, нежно взяв за подбородок, он повернул мое лицо в сторону разверзшегося ада...

Я пыталась удержать глаза открытыми, цепляясь за мысль: если только судьба пошлет шанс, я заставлю этого всесильного монстра испытать боль не меньшую!.. Чем я. Чем обреченные люди внизу за решеткой, которые вырывали в месиве бойни еще один вздох ценой собственной плоти... И все же... видеть тех, кто безропотно принимал удары фурии-судьбы, было стократ страшнее.

Но вскоре мир окрасился в цвет крови и уплыл в сторону – меня поглотила тьма.

...Все вокруг раскачивалось, и волны звуков и запахов захлестывали меня в такт, постепенно приводя в сознание.

Меня несли.

Я не хотела думать куда. Пока... У меня была пара минут покоя – почти вечность!

Кристоф – именно он меня и нес – вышел в коридор. Вдоль стен вытянулись охранники, давая проход своему господину. Даже не открывая глаз, я чувствовала их взгляды, больно впивавшиеся в мое тело, жадные взгляды голодных львов. Но не боялась – они были щенками рядом с тем, кто властвовал над ними...

Раздался скрежет огромной железной двери, поток свежего воздуха омыл мое лицо – мы оказались на улице. Я зажмурилась от яркого солнца.

– Как и говорил, я приеду за тобой во вторник, Диана, – голос Кристофа был, как всегда, спокоен, взгляд непроницаем. – Оставшиеся два дня советую провести с пользой: попросишься с семьей, собери самое необходимое... Надеюсь, ты понимаешь, какая это серьезная уступка с моей стороны. Но я уверен, что ты не будешь больше создавать проблем, не так ли?

Да, создавать проблем не имело смысла. Я уже поняла, что с меня не спустят глаз. Он объяснил это доходчиво.

– Пусти, Кристоф! Мне неприятно, когда прикасаются посторонние.

Он резко поставил меня на ноги, и его взгляд хлестнул так же, как и его слова:

– Я столько времени наблюдал за тобой, но почему-то этого не заметил.

К сожалению, мне нечего было ему возразить.

К роскошному дому моих родителей подъехала машина, вполне вписывающаяся в окружающий пейзаж. На уровне подсознания всплыло: синий – мой любимый цвет, и раньше я бы посчитала это хорошим знаком. Раньше... но не сейчас.

Я держала в руках маленькую коробку, в которую Кристоф велел сложить лишь самое необходимое. Так я и сделала. И теперь, глядя на нее, думала: в моих руках – остаток моей жизни, такой маленький, что и вещей для него много не нужно.

«Дряни» наподобие косметики, фотографий, разнообразной мелочи, которая всегда сопровождает нас, женщин, я не взяла – мной овладела полная апатия. К сожалению, места для одежды, даже самой необходимой, в коробке не хватило. Некоторое время я отстраненно размышляла, дадут ли мне униформу и все остальное, чего я не могла взять с собой. Или мне уже совсем ничего не понадобится?.. Но в последний момент все же решила сложить одежду во вместительную дорожную сумку, которая удобно перекидывалась через плечо. В крайнем случае сумка просто останется на пороге дома.

Эти два дня я провела почти не выходя из своей комнаты: спала, ела то, что появлялось у меня на столе, в ступоре смотрела часами в окно. В голове было пусто, ни одна мысль не держалась в ней дольше пары секунд – события последних дней не прошли бесследно. Никто меня не тревожил. Было лишь смутное воспоминание о Лидии, заглянувшей в комнату, когда я спала. Судя по всему, ее не тронули...

Кристоф был, как обычно, холоден. Ничто в его лице не напоминало ни того злобного монстра, что ворвался в комнату три дня назад и изменил течение моей жизни, ни того безжалостного господина, который учил свою рабыню хорошему поведению.

Он положил мои вещи в багажник, ничего не сказав про «лишнюю» сумку. Что ж, по крайней мере одежда будет своя.

Потом распахнул передо мной заднюю дверцу и подал руку. Это было так... неуместно! Но я подумала, что, скорее всего, этот галантный жест – последний в моей жизни, и коснулась ненавистной руки.

– Благодарю, – сказала равнодушно.

Он даже не кивнул в ответ.

Мои родные стояли у окна. Но я не смотрела в их сторону, мне казалось, теперь уже ничто не имеет значения.

– Они жалеют, – внезапно услышала я ровный голос Кристофа. – Твой отец многое отдал бы за возможность вернуть время вспять.

Я застыла пораженно, не веря своим ушам. Кристоф сказал это?

– Нет, – шок все не проходил. – Им плевать!

Он обернулся и внимательно на меня посмотрел.

– И ты сама в это веришь?

Он, что же, собрался утешать меня?!

Во мне вскипела безудержная злость – из-за него все мое существование было кошмаром наяву! Из-за него моя жизнь уже кончалась, так и не успев начаться! И он портил своим присутствием ее каждое драгоценное мгновение.

– Во что мне верить, Кристоф?! Ты разрушил мой мир! В нем невозможно во что-либо верить! – Что-то изменилось в его взгляде, но я продолжала: – И не говори, что тебе жаль! Для тебя важна только твоя сестра, а моя судьба тебе безразлична! К чему лицемерное сочувствие?!

Я резко отвернулась к окну, совсем по-детски зло сложив руки на груди. Да я должна радоваться его равнодушию! Хотя в нормальной жизни для любой женщины лучше злость в глазах мужчины, чем безразличие. Но когда это моя жизнь была нормальной?

Кристоф завел мотор, и машина набрала скорость.

За окном на огромной скорости проносился темный лес. Дождь уже закончился, но сизый туман испарений окутывал мокрые стволы, делал картину еще более призрачно-размытой...

Мне вспомнился другой лес и слова о том, что я – никто, что я буду бесправной, как дворовая собака, буду драить полы, чистить серебро. Еще вспомнились слова о... да какая разница! Теперь до конца моих недолгих дней мне придется полностью зависеть от чужих желаний... Впрочем, как и раньше.

Теперь, когда все уже было predetermined, я расслабилась и незаметно для себя самой уснула. Наверное, спала я долго, потому что когда открыла глаза, сгущались багровые сумерки.

Мне показалось, что я все еще сплю – за окном было сказочно красиво.

Мы въезжали в ворота.

За высоким каменным забором начиналась длинная аллея. Мимо проплывали вековые деревья, под их густыми кронами уже царилась ночь. Впереди величественно сиял... дом?... замок? Нельзя было сказать с определенностью. На мысль о замке наводили стены из крупных камней, а о современном доме напоминали белые и стеклянные поверхности...

Это место не кичилось роскошью, оно жило в свое удовольствие, не интересуясь чужим мнением.

– Выходи! – скомандовал Кристоф.

– Да, – оглядываясь, невпопад ответила я, все еще оглушенная великолепием, и чуть не добавила «хозяин», но вовремя прикусила язык – почему-то показалось, что это будет воспринято плохо.

Тут же к нам подбежал невысокий мужчина и взял из багажника мои вещи. И не нужно было быть психологом, чтобы понять, насколько этот человек боится Кристофа. Его реакция на каждое движение хозяина была крайне предупредительной: тот поднял руку, а слуга будто

уклонился; Кристоф еще не успел сделать жест, а он уже берет сумку – мелочи, но заметны даже невооруженным глазом.

– Дженоб дома? – спросил тем временем Кристоф.

– Да, господин, он ждет вас в библиотеке.

– Хорошо, – он обернулся ко мне. – Иди за мной!

И я пошла, уже ненавидя и дворецкого, который так боялся «господина», и себя за страх перед предстоящей встречей и за то, что подчиняюсь ему привычно, безоговорочно. Ступая по белоснежным полированным плитам, внутри которых было заперто отражение испуганной девушки, мы приблизились к темным дверям, лишенным любых украшений, кроме золотой – и вправду золотой – ручки.

Даже не постучав для приличия, Кристоф вошел в комнату, уверенный, что я последую за ним... Но я остановилась у входа, не в силах сдвинуться с места, – страх перед неизвестным парализовал меня! Тогда он схватил меня за руку, и в этот момент меня обожгло понимание того, что все происходит на самом деле – вокруг чудовища, обладающие абсолютным, безграничным могуществом, дьявольской силой, но лишенные и тени сострадания!..

И что я теперь целиком и полностью в их власти!

– Я не кусаюсь, – раздраженно сказал Кристоф в утешение, видя мою реакцию. – По крайней мере сейчас.

– Я тоже так думаю, – донеслось из глубины комнаты, на пороге которой мы находились. – Проводи же ее ко мне! Мы так долго ждали.

– Проходи, – уже мягче произнес Кристоф. – Тебе надо кое с кем познакомиться.

– В гробу мне это надо, – едва слышно прошептала я, привыкшая хамить и сделавшая это по инерции, и тут же испуганно застыла, почувствовав: меня услышали.

– В гробу... – повторил Кристоф, пробуя слово на вкус, и глаза его недобро сверкнули. – Это можно устроить!

Моя кровь заледенела... а потом помчалась по венам с удвоенной скоростью!

На этот раз меня удостоили чести войти в комнату первой, Кристоф закрыл за нами дверь.

Библиотека оказалась небольшой и очень уютной: книжные полки вдоль стен, окно, рабочий стол и два мягких кресла, расположенных почти друг напротив друга.

Из-за стола мне навстречу поднялся старик. Его излишне мягкая улыбка так напугала меня, что я попятилась назад, натолкнувшись на Кристофа.

– Похоже, она доверяет тебе, сын! – удивленно засмеялся Дженоб.

– Не больше, чем гремучей змее, отец! – в тон ему ответил Кристоф позади меня, однако отстраняться не спешил. Я чувствовала его всем телом, мурашки бегали по затылку и спине, но была так напугана, что не могла даже пошевелиться. К тому же еще вопрос, кто из них двоих более опасен. Кристофа я хотя бы знала. А этого...

– Садись же, девочка, – сильные руки усадили меня, безвольную, в кресло. – Как тебя зовут?

Я молчала, не в силах произнести и слова. Сердце несло во весь опор.

– Диана, – ответил за меня Кристоф. – Ее зовут Диана.

Мое мчащееся сердце споткнулось – показалось, я впервые слышу это имя. Неужели оно все время принадлежало мне?

– Что ж, Диана, как, наверное, ты уже догадалась, я – Дженоб, – старик посмотрел на меня ожидающе.

Пауза затягивалась... Наконец я решила.

– У меня только три вопроса, – состояние шока проходило, и стоило выяснить самое важное, пока еще была такая возможность. – Первый: как долго я проживу? Второй: что меня ждет до момента смерти? Третий: есть ли у меня какие-либо права?

– Ты уверена, что это все, что тебя интересует? Как насчет твоих обязанностей, встреч с родителями, возможных прогулок?

– Я ожидала, что все это будет содержать ответ на второй вопрос.

– Ты умнее, чем я думал! – восхищенно улыбнулся старик, и это выглядело почти оскорблением. – Из рассказов Кристофа я сделал вывод, что ты глупа как пробка, ветрена и не очень разборчива... хм... хотя в последнем он тебя немного тормозил.

Я раздраженно посмотрела на Кристофа в кресле напротив. Его холодный, изучающий взгляд не покидал моего лица. Недавнее паническое состояние тут же сменилось кипящей злостью: глупа, ветрена, неразборчива... Вот гад!

– Да, я глупа, – я не узнала своего голоса, искаженного яростью. – Глупа как пробка! Ведь даже полный идиот понял бы, что нельзя жить в доме, куда два раза в году навевается этот монстр! Да если бы я была хоть немного умнее, то перерезала бы себе горло и избавилась от лишних мучений!!!

В моей жизни и так уже не будет ничего хорошего.

– Ну что ж, – Дженоб отозвался спокойно, будто и не слышал моих дерзких слов. – Перейдем к ответам. Длительность твоей жизни находится в прямой зависимости от пользы, которую твоя кровь сможет принести моей дочери. Точнее пока ничего нельзя сказать, время покажет. В нашем доме ты будешь работать наравне с другими людьми, отданными в уплату долга... да-да, именно в уплату долга! В нашей повседневной жизни, как ты, наверное, понимаешь, есть некоторые особенности, которые не позволяют нам нанять прислугу в агентстве. Кроме того, при моей политической известности лишний шум нам совершенно не нужен. Исключено! А так мы уверены, что наши секреты, так сказать... умрут вместе с нами, – старик и сын переглянулись с улыбкой. – А вот насчет твоих прав, их у тебя немного... Точнее, их нет вообще. Конечно, тебе будет сложнее, чем остальным, ведь наша прислуга по большей части из трущоб. Но это уже полностью твои проблемы. Ты должна забыть свою прошлую жизнь! К ней уже нет возврата, пойми. И еще. Кроме труда наравне со всеми остальными ты будешь приходить в лабораторию, где работаем мы с Кристофом и еще несколько посвященных в наши тайны людей. И ты будешь молчать о том, что увидишь, – никому из слуг ни слова!

– Равно как и никому из наших гостей. И вообще, старайся держаться от них подальше, – добавил Кристоф. – Так как гости у нас не всегда обычные, иные из них смогут уловить твой пульс с расстояния в три сотни метров. И мы не хотим объяснять им, что это за странно пахнущий человек... Еще вопросы?

– Я смогу навестить свою семью? – не то чтобы я тосковала о них, но это был завуалированный вопрос: позволят ли мне покинуть стены тюрьмы в принципе.

Отец и сын странно переглянулись.

– А ты хочешь? – ухмыльнулся Дженоб. – Что ж, все наши слуги имеют возможность два раза в месяц съездить куда им угодно.

– Так уж куда угодно? – Трудно было в это поверить.

И снова они обменялись непонятными взглядами.

– Да, главное – вовремя вернуться. Но детали тебе расскажут позже, – Кристоф явно хотел поскорее закончить разговор. – Пойдем, я покажу тебе твою комнату!

Я послушно последовала за ним.

Мы углублялись все дальше и дальше в дом. Казалось, внутри он был значительно больше, чем выглядел снаружи. Мы проходили через просторные залы с высокими потолками и окнами во всю стену, через нелепые по форме приземистые помещения с множеством дверей, ведущими в другие комнаты, поднимались и опускались по лестницам... Пока наконец не остановились в тупике – торце длинного темного коридора.

Я удивилась, поскольку там не было дверей. И тогда он указал на выдвижную лестницу.

– Полезай наверх... Ну? В чем дело? Полезай же!

Я стала неловко подниматься, то и дело оглядываясь на... хозяина (как же странно это слово звучало, вероятно, я никогда не привыкну!). Меня не покидало дикое ощущение, что стоит лишь отвернуться – и он нападет. Это было очень уединенное место. Комната находилась в мансарде: под скошенной крышей в углу стояла широкая кровать, на которой из-за резкого наклона потолка можно было только лежать. Пол покрывал милый ковер. Оглядев-шись, я различила в слабом свете крошечной лампы столик у окна, кресло с моими вещами возле него и шкаф, в котором могло поместиться ровно столько одежды, сколько я привезла с собой. Как же он не был похож на мою роскошную гардеробную с кучей обуви и сумочек...

– Располагайся!

Я с удивлением обнаружила позади себя Кристофа, который, как всегда, совершенно бесшумно и непонятно зачем поднялся в мою, теперь уже мою, комнату.

– Да, – покорно ответила я, рассматривая помещение, в котором мне предстояло провести остаток жизни.

Я старалась не обращать внимания на него, стоявшего в опасной близости. Я бы многое отдала за возможность снова увидеть полное безразличие в его глазах!.. А не то новое, что появилось.

«Рано еще».

«Что рано?»

«Рано еще делать, что хочу».

Неужели в конце мне придется пройти и через это? Будто мало всего остального! Наверное, это называется эффективное использование собственности...

Мне так хотелось, чтобы он ушел! Хотелось остаться в одиночестве и разобраться, что я чувствую на самом деле: страх перед своим будущим или безразличие?

Но он продолжал стоять позади меня, и я не решалась сделать и шагу. Это казалось опасным.

– Сюда ты тоже будешь приходить два раза в год? – я решила, что любой вопрос лучше напряженного молчания.

– Если захочу, могу и чаще.

Я резко обернулась, чуть не налетев на него. Мне хотелось прочесть в его глазах, что же на самом деле скрывалось за многозначительным ответом... Но застать Кристофа врасплох было невозможно. На его лице была привычная непроницаемая маска. Казалось, даже мое быстрое движение не удивило его.

– Придется каждый вечер приносить тебе лекарство и еду, повышающую уровень гемоглобина в крови.

– Зачем? – настороженно спросила я, замирая при мысли о том, сколько еще его придется мне придется терпеть.

– У тебя часто будут брать кровь, что может плохо сказаться на твоём здоровье, – объяснил он.

– Моем здоровье? – я понимающе улыбнулась. Действительно, как же я могла забыть? – Ну да, мое здоровье теперь очень важно для тебя!

Но почему это должен делать именно он, будто в доме недостаточно слуг? Сама мысль о том, что каждый вечер Кристоф будет находиться совсем близко от меня, несла в себе невыносимую боль.

И, глядя в сторону, я решила все-таки уточнить:

– Разве не может это делать кто-то другой? Ты как-никак не прислуга здесь, а хозяин.

– Ты верно заметила, Диана, – жестко ответил он после долгой паузы. – Я – хозяин. И я решаю, кто, что и как делает в этом доме. Запомни!

– Хорошо.

Я молча ждала, что он уйдет. Но Кристоф не двигался с места, и у меня возникло странное впечатление: здесь я непрошенная гостья, а не он. «Бесправная», – с горечью поняла я и закрыла глаза. Теперь так будет всегда – никто не озаботится правилами приличия в моем присутствии! Мне придется терпеливо сносить любое обращение.

Открыв глаза, я увидела внимательный взгляд Кристофа. Мы молча смотрели друг на друга.

– Завтра ты увидишь мою сестру, – наконец бросил он и стремительно покинул комнату.

Что же он увидел в моих глазах, если выглядел таким?.. Каким?

Дальше началась моя другая жизнь, полная новых страхов и переживаний. В первое же утро у меня взяли большое количество крови. Никогда прежде не сдававшая ее, я с ужасом смотрела, как наполняется прозрачный пакет, и мне становилось все хуже. Я не имела ни малейшего понятия, была ли такая потеря опасной для организма или вполне переносимой. Но мне показалось, что я уже почти пуста и умру в ту же секунду! И, поднявшись с кушетки после этой процедуры, я тут же «легла» на пол. Обрато в этот мир меня вернул резкий запах нашатыря и приятный незнакомый голос, уверявший, что ничего опасного для моей жизни не произошло и я восстановлюсь за пару дней. Но страх остался, продолжая умножаться и уничтожать остатки рассудка. И когда во второй половине дня у меня снова взяли кровь, я опять грохнулась в обморок, несмотря на то, что в этот раз потеря имела объем лишь в пару миллилитров...

Та, ради которой я появилась в доме, оставалась недостижимо далеким существом – Кристоф так и не представил меня Мойре. Да и его самого я почти не видела. К счастью. Он зачастую уезжал и возвращался по несколько раз за день, и я перестала с замиранием сердца отслеживать его перемещения. Было непонятно, чем он занимается, вернее, какое у него «прикрытие» в мире людей, но мне дали понять, что от отца молодой хозяйин не зависит.

Молодой... Да он старше садовника моих родителей!

Драматизм перемен в моей жизни не мог не оставить следов – моя психика не выдержала перенапряжения. Начали мерещиться странные вещи. Иногда я ощущала на себе пристальный взгляд, зудящий на коже, но, обернувшись, никогда никого не видела. Или чужое дыхание шевелило мои волосы на затылке так реалистично, что мурашки бегали по всему телу. Но самым пугающим было ощущение прикосновения: при погружении в сон – нежное поглаживание губ, за работой – скользящих пальцев на шее, при переодевании на ночь – едва уловимую ласку на груди. И как бы быстро я ни реагировала, оглядываясь, никого рядом, конечно же, не было.

«Еще немного в этом дурдоме, и мое больное воображение выкинет и не такое», – думала я. Дома, в моей прошлой жизни, я бы уже давно запаниковала и, не исключено, даже посетила бы психиатра, решив, что схожу с ума. Интересно, что бы он мне посоветовал? Наверное, вести спокойный образ жизни, избегать лишних переживаний, высыпаться... Увы, для меня теперь это могло быть только мечтой.

Но долго размышлять о чем-либо я была не в состоянии. Не привыкшая к такому количеству работы, которую взвалили на меня с первого же дня (да и не работавшая никогда раньше в принципе), ослабленная потерей крови, а еще больше страхом от этого, я возвращалась в свою комнатку около полуночи. Огромный дом продолжал гудеть как улей, но уже без меня. Все пережитое, увиденное и услышанное за день оставалось в темном омуте забвения, в который я падала, едва коснувшись подушки. И никаких снов. А ранним утром, несмотря на боль в каждой мышце, снова впрягалась в повозку своих обязанностей.

За пугающе короткое время я стала совершенно иной – незаметной, тихой, покорной...

Иногда, в редкие минуты отдыха, глядя в зеркало, я потерянно спрашивала себя: где я? Где та сильная духом красавица, смевавшая дерзить самому всесильному Кристофу? Наверное, она умерла, уступив место бледной, измученной тяжким трудом и вечным страхом девушке... Я не узнавала даже свои глаза.

Удивительно, но хозяева дома и не думали прятаться. Их роскошную светскую жизнь широко освещали пресса и телевидение. Как я позже поняла, это была забота многочисленных слуг – беречь секрет. Сложно поверить, что такое невероятное количество людей может сохранить подобную тайну! Но животный страх в глазах каждого из них гарантировал – делалось все возможное и невозможное.

К Дженобу приезжало много гостей – политики, бизнесмены, артисты. Одного из них я даже узнала. Но, к счастью, он не узнал меня. Да и как он мог? Я должна была запомниться ему как капризная дочка влиятельного отца – красивая, ухоженная, а не ободранная невзрачная служанка. Кто же на них обращает внимание?

У меня сложился теперь совсем иной круг общения, в большинстве своем милые люди. Разного возраста, воспитания и уровня образованности, все они имели одну общую черту – необыкновенную покорность и предупредительность с хозяевами. Что наводило на размышления.

Иногда, всматриваясь в их лица, я спрашивала себя, что за нелюди были их родители, если продали своих детей. И не просто продали, а продали чудовищам! Но вспоминая мучения своей семьи, я понимала, что не все так однозначно. Кто знает, что вынудило их принять безумное решение. Ведь в жизни кроме глупых юношеских желаний, таких как у моего отца, бывают ситуации, действительно способные помутить разум человека. Ситуации, которыми с превеликим удовольствием пользуются всемогущие аристократы, столь завораживающие внешне, но наполненные гулкой пустотой бездушности внутри...

Среди прислуги были лишь три девушки приблизительно моего возраста, с которыми я в основном и общалась. Однажды я преодолела робость и спросила у Мики, старшей из них, где наши хозяева берут столь необходимую им пищу. Она, побледнев, серьезным тоном объяснила, что слуг таким образом могут наказать за провинность. Но это также зависит и от возраста и привлекательности провинившегося: старых и некрасивых они, оказывается, не любят. Но помимо слуг есть также люди, которые выплачивают свой долг подобным образом. Так что недостатка в еде хозяева не испытывают.

– И часто вы... оказывались виноватыми?

Девушки испуганно замерли с огромными, предназначенными лишь для прислуги, чашками в руках. Кира, средняя по возрасту, наклонилась ко мне поближе и зашептала в самое ухо:

– Ты лучше не зли их обоих, – ее взгляд был полон симпатии ко мне и ненависти к хозяевам. – Дженоб жестокий, случалось, избивал не угодивших ему до полусмерти. Кристоф, на первый взгляд, сдержаннее отца, но если озверевает по-настоящему – хуже не бывает! И вообще, мой тебе совет: не попадайся никому из них на глаза лишний раз, если получится. И к Мойре, дочери Дженоба, не ходи! Дольше проживешь...

Я спрашивала, потому что не могла забыть тюрьму, продемонстрированную мне в назидание за попытку побега. Стоило подумать об этом, и я снова слышала предсмертные крики, видела залитые кровью лица, пугающие равнодушием к своей судьбе.

По каким же критериям делался выбор: кому работать, а кому служить кормом? И что будет со мной после «выплаты долга»? Используемая с наибольшей эффективностью,

уже ненужная, не окончу ли и я свои дни с той же маской безразличия? И для кого именно послужу пищей?.. Я догадывалась для кого.

Моя новая жизнь и совершенно иная жуткая реальность вокруг заставили меня стать осторожной. Теперь я думала над каждым произносимым словом, над каждым предстоящим действием, чего раньше делать совсем не умела.

Цена ошибки была слишком велика.

...Я стояла на берегу. Впереди, до самого горизонта, простирался бушующий океан. Огромные волны подымались, подставляя солнечным лучам свои животы, переливавшиеся всеми оттенками бирюзы и зелени. Шквальный ветер приносил с собой соленые брызги и запах водорослей. И хотя буря кипела у самых моих ног, мне не было страшно. Напротив, так хотелось подняться на крыло и понырять в воздушных потоках, черкнуть по самым волнам пальцами... Необыкновенное чувство свободы наполняло мое тело и тянуло ввысь воздушным змеем! Ветер обдувал мое лицо легким дыханием...

Как странно, я никогда раньше не видела океана – это незабываемо! И я никогда не была свободна... как жаль...

Дыхание обдувало мое лицо легким ветерком.

Внезапно солнечный мир, пронизанный моей свободой, отступил, оставив меня просыпаться в крохотной темной комнате.

И я была не одна.

Он склонился надо мной так близко, что его прерывистое, почти человеческое дыхание омывало меня, стекая по коже и сквозь волосы на постель. Казалось, он стремился прижаться ко мне всем телом и поглотить без остатка.

– Ч-что ты здесь делаешь? – судорожно вдохнула я. Глупый вопрос, но первый, пришедший на ум спросонок. Часть меня стояла все еще там, на берегу...

Ответом была улыбка, от которой мои вены наполнились льдом, а разум мгновенно проснулся.

– Я знаю, – шепнул Кристоф непонятно и, слегка отстранившись, посмотрел на меня в слабом свете луны. Столь пугающего взгляда я еще никогда не видела – его глаза горели! От страха я замерла и даже перестала дышать.

Запустив пальцы в мои волосы и собрав их в горсть, он окунул в них лицо, глубоко вдыхая. Снова взглянул на меня, улыбнулся, обнажив острые зубы, и эта жуткая улыбка в сочетании с горящими глазами сделала его совершенно непохожим на человека. Мне стало дурно. Нет, только не он!..

А пальцы уже ласкали мое лицо, обжигая нежеланной нежностью виски, скулы, шею... От страха все мое тело напрягалось в ответ... и ему это нравилось.

Меня била дрожь отворачивания. Сердце стучало молотом. Казалось бы, ведь не конец же света! Ведь есть вещи значительно хуже!

Но почему-то сама мысль, что это сделает со мной именно он, причиняла невыразимые страдания... Может, из-за того, что он смотрел на меня, как на еще одну вещь, принадлежавшую ему?

Его рука нежно коснулась моих губ, погладив и приоткрыв нижнюю, соскользнула вниз по шее, ниже, лаская грудь, ниже по животу, ниже...

– Пожалуйста, не надо! Только не ты, прошу...

Он вздрогнул.

Рука замерла, и его взгляд переменялся – теперь глаза горели яростью! Убьет ли он меня прямо сейчас или я еще раз увижу солнце?

– Умоляю тебя, не надо! Только не сегодня! – Любая отсрочка превращалась в вечность. – Пожалуйста, Кристоф!

Он был напряжен, как перед прыжком, и казалось, что, взлетая в воздух, он непременно захватит с собой и меня... Вне зависимости от моего желания.

– Пожалуйста!

Униженная ли мольба или мой полный отвращения взгляд были тому причиной, но глаза его вдруг потухли, а тело расслабилось.

– Вставай, одевайся! Я жду в гостиной, – резко бросил Кристоф, поднимаясь с моей постели, и вышел из комнаты.

Я не могла двинуться с места – происшедшее оставило тело бессильным, а разум безвольным. Что было бы, если бы он не изменил своих планов? Я затряслась от нервного смеха – да умерла бы я уже, вот что было бы!

Нет, так не пойдет. Только истерики мне еще не хватало! Нужно скорее взять себя в руки. Ведь Кристоф мог и вернуться, чтобы выяснить, что же меня задержало. А этого я хотела меньше всего!

Поэтому, глубоко вдохнув, встала, накинула свитер на тонкую майку и спортивные штаны, которые использовала в качестве пижамы, и направилась к лестнице. Подходя к люку, я обратила внимание на массивный засов на откинутой двери. Интересно, он был здесь всегда? Я не замечала его раньше. При желании меня могли закрыть снаружи, и я даже не сразу об этом узнала бы...

Уже возле гостиной я вдруг с раздражением поняла, что забыла обуться – пол безжалостно леденит босые ноги. Черт бы побрал этого Кристофа! Но возвращаться было уже поздно, и, ступая на шершавый ковер комнаты, я решила оставить все как есть.

Конечно же, он был один. Отстраненный, с непроницаемым взглядом, будто и не он только что заявился с нетерпящим возражения приказом. Мне и раньше приходилось нелегко в его присутствии... Теперь я боялась поднять глаза.

– Иди за мной! – он направился в тот коридор, которого так боялись все слуги.

Я покорно последовала за ним.

Насколько было бы проще, если бы он представил меня Мойре раньше. До того, как я узнала о ее вздорном нраве. И вообще, я не могла понять, зачем ей меня видеть? Я всего лишь ее лекарство!

Мы остановились у двери, и снова мое сердце отбивало барабанную дробь. Я подозревала, что если так пойдет и дальше, моей жизни не хватит даже, чтобы вылечить эту мерзавку.

Небольшая уютная комната освещалась тусклой лампой. Все стены были увешаны необычными рисунками – не то старинными витиеватыми письменами, не то быстрыми эскизами чего-то сюрреалистического, сделанными талантливой рукой.

На огромной постели лежала, едва заметная, маленькая девочка. Худенькая до прозрачности, до ужаса хрупкая, она смотрела на меня огромными, в пол-лица, полночными глазами. На вид ей можно было бы дать не больше тринадцати лет. Если бы она была здорова. Но она была больна, страшно больна! Казалось, ей оставалась пара минут жизни.

Увиденное никак не вязалось с воображаемым монстром, образ которого сложился у меня под влиянием рассказов о ней, и я растерялась.

Она же, не сводя с меня взгляда, попыталась подняться в постели, наверное, чтобы лучше рассмотреть. Все тело ее дрожало от напряжения, лоб блестел от испарины. Крохотная, беззащитная, она вызвала у меня такой прилив щемящей жалости, какого я никогда ни

к кому не ощущала. И видя, как ей тяжело, я рефлекторно подскочила к ней, подхватывая ее под руки.

– Не надо, я подойду ближе! Лежи, не вставай... – И только потом подумала, чем могут вернуться мне необдуманные слова и действия!

Но Мойра послушно легла обратно на подушку, продолжая всматриваться в меня своими удивительными глубокими глазами. Она производила необыкновенное двойственное впечатление: невинная девочка и древняя старушка в одно и то же время.

– Мойра, это Диана, девушка, о которой мы тебе рассказывали, – голос Кристофа раздался неожиданно близко, и я отшатнулась. Но он, наклонившись рядом со мной, лишь поправил ей подушку и откинул прядь длинных черных волос с лица. Затем, повернувшись, холодно сказал мне:

– Твоя основная работа с сегодняшнего дня заключается в заботе о ней. Как ты понимаешь, это сложно.

– Понимаю, – ответила я тихо и, снова не успев подумать, спросила: – Неужели она и вправду твоя сестра?

Трудно было поверить. Нежная бледная Мойра никак не могла состоять в родстве с этим чудовищем! Я запоздало прикусила язык.

– Ты зря думаешь, что с ней легко, – Кристоф посмотрел на сестру. – Вспомни, как все слуги боятся ее. У страха есть причина. И на твоём месте я бы не обольщался ее слабым видом. Если разозлишь, Мойра легко сломает тебе руку... или шею.

Это не могло быть правдой. Он просто запугивал меня! Ведь он так любил мой страх. У бедной девочки от боли побелели губы, и мне было ее невыносимо жаль.

– Так что лучше не зли... ее. – И он повернул ко мне изменившееся лицо, так не похожее на лицо заботливого брата, обращенное к Мойре. И как бы я ни пыталась не услышать намека, его загорающиеся глаза обратили попытку в прах.

– Если она не выздоровеет, Диана... тебе даже смерть не поможет сбежать!

Я знала, что это так. Но истина заключалась в том, что даже если Мойра выздоровеет, мне не сбежать все равно.

Я жила размеренно и просто, что невероятно, если вспомнить, где я жила.

Каждое утро мне приходилось идти в лабораторию к Дженобу, где кроме него работали еще трое: иностранец по имени Кайл (это он успокаивал меня, когда я упала в обморок в первый день) и два его помощника. Они знали, кто я, и, понимая мою ценность для хозяев, были со мной предупредительны и даже вежливы. Поэтому, как ни странно, именно лаборатория, источник многочисленных новых страхов, стала последним местом, где я могла еще почувствовать себя человеком, а не бесправной служанкой. Иногда я даже вспоминала, что я красивая девушка...

У Кайла возникла милая привычка по окончании исследований и забора крови давать мне кусочек шоколада. И хотя я понимала, что так надо, его немного смущенная улыбка и учтивый жест делали этот ритуал чем-то большим, чем простое восполнение потерянных калорий.

...Теперь Мойре принадлежала не только моя кровь, но и мое время – я бывала у нее каждый день.

Кого она видела во мне? Спасительницу, чье желание или нежелание спасти никого не интересовало? Еще одну служанку, которой при недостаточной расторопности можно сломать руку? Или глупую жертву, сострадающую своей убийце? Я не знала...

Она же была для меня столь многим! Бедной малышкой, несущей боль через века и обреченной на вечное одиночество. Подобным Кристофу чудовищем, выпивающим мою мимолетную жизнь, чтобы продлить свою многовековую. Бездонным кладезем мудрости, опыта и понимания, перед которым я – лишь песчинка, гонимая ветром...

Проходили дни. И каждый раз я задерживалась у нее все дольше. Очень скоро я запросто могла прийти и положить ей голову на колени.

– Что случилось с моей любимой подругой? – спрашивала Мойра, глядя мои волосы. – Расскажи, и я смогу помочь.

И я открывалась ей, ничего не тая. Ее слова были удивительно точны, будто направлялись напрямик к моему сердцу, если не исцеляя до конца, то хотя бы делая жизнь выносимой.

Мойра стала для меня тем, чего я никогда раньше не имела и что никогда не надеялась найти: утешением, другом... Сестрой.

Поэтому как бы безумно это ни звучало, но, слабея сама, я была рада видеть, что ей становится лучше. Она уже не дрожала осенним листком, пытаясь сесть в постели, – встречала и провожала меня сидя и улыбаясь. Ее бледная кожа утратила могильный оттенок, а черт лица коснулась красота.

Говорить с ней было интересно и... странно. Мойра казалась очень критичной и часто могла сказать в лицо вещи, которые обычно скрывают или обходят в разговорах даже с самыми близкими людьми. Но вместе с тем ее замечания позволяли взглянуть на ситуацию по-новому. В любом случае я понимала, что она делает это не для того, чтобы обидеть меня. Правдивость была важной составляющей ее характера.

Мойра много рассказывала о жизни в других странах, о семье и очень часто – о брате, которым искренне восхищалась.

– Ты знаешь, однажды он чуть не женился, – как-то призналась она. – Это было... да, около сорока лет назад, но думаю, что он и сейчас ее помнит.

– Что же случилось? – спросила я между прочим – но сердце запнулось.

– Она предала его. Я уверена, что со временем она пожалела, но Кристоф так и не простил.

– Мойра, а... почему она это сделала? Если он любил ее, то, наверное, она была бы с ним счастлива. – На самом же деле мне слабо верилось, что кто-то мог быть счастливым с ним.

– Он скрыл от нее свою сущность. Она понятия не имела ни о его власти, ни о деньгах, ни о возможностях... И знаешь, что странно? Кристоф сам подстроил ее предательство!

– Не понимаю...

– Я тоже, – вздохнула Мойра и осуждающе покачала головой. – Он нашел одного из слуг, способного хорошо сыграть роль... Роль богатого и влиятельного чиновника. И она не устояла.

Я убирала, стараясь не смотреть ей в глаза, Мойра же, в свою очередь, тактично «не замечала» мое громко стучащее сердце.

– Может, все не так и плохо, – решила я наконец. – Ты уж извини, но не будет твой брат любить и защищать – не в его это характере!

– А разве ты знаешь его характер? – спросила с улыбкой Мойра.

– Не знаю и знать не хочу! – резко ответила я. – Но убеждена в одном: если бы он ее любил по-настоящему, то не стал бы рисковать великой ценностью, какой является в мире любовь.

Мойра молчала, и ничего нельзя было прочесть в ее древних мудрых глазах...

Новая жизнь стала мне привычной.

Так как моя комната располагалась в мансарде, шум ветра и стук дождя часто заполняли тишину ночи. Раньше я бы не уснула – теперь же едва замечала их. Отсутствие выбора одежды не то что не волновало меня – я о нем уже просто не думала, и тоска по богатой гардеробной в доме родителей канула в Лету. Распорядок дня, как и мои обязанности, уже не вызывал раздражения, стал незаметен, как дыхание.

Я привыкла к окружающим меня людям и... нелюдям. К обреченной покорности слуг, доброте Кайла, к негаданной дружбе Мойры. И к отсутствию Кристофа.

После того как он представил меня сестре, я видела его лишь пару раз. Вряд ли что-то могло порадовать меня больше – очень уж сложным было мое отношение к нему. Даже после восхищенных рассказов Мойры я не могла смягчиться... Более того, крепло ощущение, что я стою на вершине заснеженной горы и достаточно легкого дуновения ветерка, чтобы покатилась лавина моей ненависти!

Одиночество уже не беспокоило, оно стало частью меня. Я ни разу не высказала желания увидеть родных. Девочки говорили, что это пройдет, со временем соскучусь. Но я хорошо понимала, что больше никогда не увижу родителей – не захочу. И не потому, что не люблю. Просто мне будет нестерпимо больно временно вернуться в мир, где когда-то у меня было право на выбор и необходимость видеть Кристофа лишь два раза в году.

Как правило, слуги отпрашивались домой по субботам. Нас оставалось около десятка, что очень мало для такого дома, и поэтому каждому доставалось работы больше, чем всегда. К вечеру сил хватало только, чтобы добрести до постели...

В один из таких дней я уже шла в полусне от усталости в свою комнату, когда вдруг услышала мелодию. За окном смеркалось. Вдали за деревьями подмигивали огоньки. Сад был наполнен музыкой. Яркие гипнотические звуки манили прежнюю меня, незамужнюю девушку с богатым приданым, привыкшую к шумным развлечениям. Не осознавая, что делаю, околдованная, я направилась к выходу, дальше в сад – к огням, к празднику... И с каждым шагом, приближающим меня к источнику музыки, воскресало забытое прошлое...

Мне казалось, что я ступала тихо, что мелодичные звуки поглотят мои шаги без остатка. Поэтому, почти не боясь быть увиденной, я остановилась за кустами, наблюдая за людьми, веселящимися у бассейна, красиво одетыми, с дорогими украшениями, такими же, какие были и у меня... когда-то. Интересно, они так и лежат в моих шкапулках или мать уже подарила их Наташе?..

Я скучала по праздности моего бывшего мира, по поздним ленивым завтракам и красивым ухаживаниям. Меня пронзило острое осознание того, что, оказывается, мне ужасно хотелось вновь почувствовать себя прежней, такой как раньше.

Какое глупое безнадежное желание!

Жадно разглядывая гостей, я сразу выхватила взглядом Кристофа и троих его друзей. Они выделялись в толпе, как волки в стаде овец.

Кристоф целовал девушку. Юная, очарованная красивым мужчиной, она висела на нем клещом, влюбленно заглядывая в лицо. В ее руках колыхался огромный букет банальных красных роз. Он же между поцелуями скупающе скользил взглядом по окружающим, по деревьям, по кустам, за которыми стояла я. Иногда мимолетно ей улыбался, и я, видя эту натянутую улыбку, вдруг вспомнила Дашку...

Внутри меня все похолодело, как только я сообразила, что это значит.

Непроизвольно я отшатнулась и отступила на несколько шагов. Под ногой треснула ветка. Едва слышно, но звук принес инстинктивное понимание: меня услышали! Когда я подняла глаза, Кристоф смотрел прямо на меня – туда, где я пряталась. А на его лице было знакомое пугающе-хищное выражение!

Уже не таясь, я повернулась и помчалась сквозь сад, ощущая за спиной стаю волков. Я не имела понятия, что плохого сделала, но чувствовала – платить придется!..

Влетев в свою комнату, я захлопнула люк и придавила его креслом – внутренней задвижки, увы, не было. До поздней ночи я боялась сомкнуть глаза, на всю жизнь возненавидев подобный вид страха (хотя страх – благородное чувство, как любила саркастически повторять Мойра).

Но постепенно шелест дождя меня убаюкал...

Я проснулась с ужасной головной болью. Железные тиски так сжимали мою бедную голову, что перед глазами все плыло и темнело. Тело ломило в суставах и саднило, как сплошной синяк. Ко всему прочему еще и подташнивало. Для полноты картины не хватало лишь боли в горле.

Проклятый вирус! Только его мне еще не хватало.

В моей прошлой несчастливой (как мне раньше казалось) жизни, чувствуя себя так ужасно, я бы осталась в постели, ко мне бы пришел врач и назначил лечение. А после я, раздражаясь от скуки, лежала бы под теплым одеялом столько дней, сколько понадобилось бы для полного выздоровления. Но сейчас я могла о подобном только мечтать. Нужно было вставать.

Собрав все силы, я поднялась, стараясь удержать голову в целости.

В ушах загудело, и на минуту я ослепла. После некоторого времени, проведенного в неподвижности, шум утих, а в глазах постепенно прояснилось.

Одевшись и немного походив по комнате, я ощутила некоторое облегчение и уже увереннее пошла умываться. Головная боль все еще сильно досаждала, но теперь, вне зависимости от моего самочувствия, распорядок дня подчинялся нерушимым правилам...

В лаборатории все было как всегда: яркое, но не режущее глаз освещение, тихое гудение приборов и неизбежный запах реактивов. Сев в свое обычное кресло, я по привычке закрыла глаза. Но в тот день это был не просто жест, отгораживающий меня от реальности, – я была больна. Мне предстояла очередная серия исследований, и мысль о ближайших часах вызвала невольный стон. «Не выдержишь», – прошептала я сама себе.

– Выдержишь. – Этот голос всегда окутывал меня спокойствием. – Раньше выдерживала, выдержишь и сейчас.

Я открыла глаза: Кайл...

Внимательный взгляд, теплая улыбка. Широкоплечий, он был немного выше меня. Всегда аккуратен в одежде, в прическе – настоящий ученый. Красив. А еще невероятно добро ко мне... Я старалась не замечать причины доброты в его глазах. Я не могла себе ее позволить. Мое время истекало вместе с моей кровью.

– Тебе легко, в тебя не втыкают все эти иголки, – хотелось бы, чтобы деланный легкий тон не выдал моего состояния, но...

– Я бы так не сказал, Диана. Видеть твой страх день за днем отнюдь не легко, – его рука легла на мою, а полные сопереживания глаза поймали мой взгляд и не отпускали.

Так несправедливо! Ну почему я должна была попасть сюда, в это логово чудовищ, чтобы встретить настоящего мужчину? Он был слишком хорош даже для моей прошлой жизни, не говоря уже об этой, где я совершенно не принадлежала себе! Я ничем не могла ему ответить.

Наверное, какая-то из несчастных мыслей просочилась в мои глаза, потому что Кайл убрал руку, улыбнулся и, подражая моему беззаботному тону, тихо проговорил:

– Ладно, давай приступим. Сегодня нет ни Дженоба, ни Кристофа, так что, если мы пропустим часть тестов, никто нам не перегрызет горло, – и он заговорщицки подмигнул.

Все внутри меня перевернулось! Как он мог шутить? Ведь не мог не знать, насколько перспектива реальна!

Но Кайл уже отдавал команды помощникам, проверял показания приборов, изображения на мониторах... Казалось, ничто не способно было ускользнуть от его внимания, он знал и умел все. Блестящий ум в своей области, он не остался незамеченным – мои хозяева предпочитали все самое лучшее.

Кайл, наемный работник, имел особенный статус в доме. Он единственный из всех не называл Дженоба и Кристофа хозяевами (и у меня не раз возникало ощущение, что это страшно раздражало их, привыкших к рабскому подчинению окружающих). Он один в доме мог спокойно говорить с ними, не опуская взгляда, лишённого привычной для остальных обреченности. Внутренняя сила и чувство собственного достоинства выделяли его из всех, подобно светящемуся ореолу. И я не раз думала: какими же яркими должны быть данные качества, чтобы проявляться в этой обстановке. Мне очень хотелось надеяться, что, когда контракт подойдет к концу, у него не возникнет... сложностей с отъездом.

Это был, пожалуй, первый раз, когда я прошла все исследования без привычного чувства нарастающего страха.

«Спасибо», – прошептала я одними губами, найдя его взгляд в окне: рядом был один из его помощников.

Кайл едва заметно кивнул, и со стороны казалось, что он ничего не слышал, но его отражение в стекле согрело меня улыбкой. Я грустно улыбнулась в ответ.

Он, как никто другой, излучал надежность и спокойствие. И меня так к нему тянуло!.. Но не следовало заострять на этом свое внимание.

– Тебе плохо, – сказал он, снимая датчики по окончании процедур и вглядываясь в мое лицо, – как же я сразу не понял!

– Да нет. – Зачем ему лишние волнения, тем более, он все равно не в силах помочь. – Просто в последнее время я не высыпаюсь, ужасно устаю, нервничаю постоянно и вирус, как назло, подхватила. Вот организм и не выдерживает... поневоле начинаешь видеть всякое... – Последнее я точно должна была оставить при себе.

– Что ты имеешь в виду? – Кайл явно насторожился.

Но я не могла, не могла говорить об этом! Сделав вид, что не услышала вопроса, я попыталась быстро вскочить с кресла, за что и была «награждена» головокружением. Пришлось ухватиться за Кайла.

– Диана! – он смотрел с тревогой, и я поняла, что он услышал в моих неосторожных словах больше, чем мне хотелось. – Ты ведь скажешь мне, если что-то будет... не так. – Он не спрашивал.

– Тебе – да! – ответила я раньше, чем подумала, каким будет мой ответ. И поняла в тот же миг, что если и существует человек, которому я могла бы довериться, то это – Кайл.

На моем лице все еще светила улыбка, когда я открывала дверь. Но приподнятое настроение тут же угасло – на пороге стоял Кристоф...

И он был в бешенстве!

Я замерла, до дрожи в руках напуганная его диким взглядом.

– Очень жаль, что вы сегодня опоздали, Кристоф. Мы уже закончили, – спокойно произнес Кайл, холодно глядя на возвышавшееся над нами чудовище.

К концу дня я уже двигалась, как заводная кукла: все мои мысли кружили над постелью – прилечь, прилечь бы... Голова уже почти не беспокоила, но общая слабость выматывала тело и разум необыкновенно. Никогда раньше я не проводила на ногах день, будучи больной.

Вечером, убирая чашки в гостиной после посетителей Дженоба, я плавала в тумане мечты о подушке и ничего не замечала вокруг. Курсируя вдоль длинного стола и механически собирая посуду на один его конец, я десятки раз проходила мимо кресла у камина, поэтому, когда вдруг краем глаза уловила там движение, испуганно замерла.

В кресле сидел Кристоф. Неужели я все это время его не замечала? Он застыл, устало прикрыв лицо рукой, отгородившись от всего. Странно... Он всегда был стремителен, полон энергии! И даже когда стоял неподвижно, внутри него, казалось, звенела туго свернутая пружина, готовая распрямиться с огромной силой в любой момент. Сейчас же, подобно обычному человеку, он выглядел утомленным. Будто позади остался очень тяжелый день. На лбу залегла складка страдания.

Рефлекторно я сделала шаг к нему.

– Что? – он открыл глаза в то же мгновение. Вопреки ожиданиям они были напряжены как никогда.

– Ничего.

Глупо поддаваться импульсам.

Кристоф убрал руку с лица и внимательно посмотрел на меня.

– Тогда уйди, Диана! Сегодня был... сложный день. Меньше всего мне хочется тебя видеть.

– Взаимно, просто...

– Что? – Он не собирался отпустить меня без ответа.

– Мне показалось, тебе плохо, – я тут же поняла, какую глупость сморозила. Удивительно, что делает с человеком дурное самочувствие! – Извини, я пойду.

Но неуловимым стремительным движением он схватил меня за руку и заставил подойти ближе. Не думая о последствиях, я попыталась вырваться, но Кристоф не позволил, удерживая. Совершенно безболезненно для руки и нестерпимо больно для гордости.

Его глаза настойчиво выискивали что-то в моих.

– Ты сама себе противоречишь! Ты же терпеть меня не можешь, и тут вдруг такая забота, – его губы саркастически скривились.

– Мне тяжело говорить, Кристоф, но ты... ты – мой хозяин. И... – я искала и не могла найти подходящие слова, – я забочусь о тебе так, как стала бы заботиться и... о твоей собаке, – наконец-то точное сравнение! – Если одной из них станет плохо, я попытаюсь помочь. Это мой долг. Но это не означает, что мне приятны ее зубы.

Моя рука свободно выскользнула, и я поспешила сделать шаг назад, не зная, чего ожидать в ответ на свои резкие слова.

Но он лишь откинулся в кресле и, прикрыв глаза, тихо сказал:

– Иди, займись лучше делом, Диана.

Трудно было поверить, что выходка сошла мне с рук.

Год назад в доме родителей я была уверена, что нет жизни хуже. Месяц назад я пыталась привыкнуть к мысли, что моя жизнь подходит к концу. Теперь же я знала – жизнь продолжается. Но не здесь и не для меня.

И раньше такие непростые, отношения с Кристофом стали просто невыносимыми. Казалось, злость поселилась в его глазах навсегда, и, проходя мимо него, я кожей чувствовала мерзкий взгляд. Обычно холодный и уравновешенный, он вдруг стал придирается ко мне, хотя я старалась не давать и малейшего повода. Невероятно, но пару раз он даже сорвался на крик!

Я не могла понять, за что же он ненавидит меня. Может, его, уставшего от восемнадцатилетнего ожидания, раздражала необходимость терпеть меня рядом и дальше? И тот факт, что от меня зависело столь многое, не давал ему возможности просто отправить меня на корм, как хотелось? Плюс моя «несговорчивость» добавляла злости?..

Но его ненависть не могла быть сильнее моей! Стоило мне увидеть Кристофа, услышать его голос или даже просто подумать о нем, как руки сами сжимались в кулаки, белели губы и сердце начинало отсчитывать каждый удар четко, как часовой механизм бомбы. О, если бы я могла взорваться и унести с собой в могилу это чудовище, это была бы сладкая смерть!

С каждым днем наше противостояние усиливалось.

Кристоф, пользуясь правом хозяина, нагружал меня работой вдвое больше остальных, несмотря на мое плохое самочувствие. Я же в ответ, ничем не выдавая, как мне плохо, молча пропитывалась ядовитой ненавистью...

Однажды утром, еще толком не проснувшись, я открыла глаза и увидела его у своей постели. Это был, безусловно, сон, потому что Кристоф улыбался. И дело не только в том, что за всю мою жизнь он улыбался считанные разы. Выражение его лица было совершенно необыкновенным – мягким, нежным, невозможным... властным, жестким, как и всегда.

Черт! Я все-таки проснулась!

И он действительно стоял рядом!

Что-то неуловимое в его глазах напомнило мне о прошлом, наверное, именно поэтому меня мгновенно утянуло в водоворот страха. Тут же на смену ему пришло смущение – я была полуголой: видно, ночью стало жарко, и во сне я сбросила майку. Одеяло лежало на полу, а Кристоф стоял надо мной и бесстыдно разглядывал. Да как он смеет!

И привычная ненависть захлестнула меня, лишив возможности дышать!

Это было очень бурное пробуждение.

Внезапно даже для самой себя, судорожно набрав полные легкие воздуха и вскакивая с постели, я зашипела разъяренной кошкой ему в лицо:

– Что ты тут делаешь?! Убирайся немедленно!!!

Удивительно – он отшатнулся от неожиданности и сделал шаг назад. Это придало ускорение моей ярости! Все, что копилось у меня внутри, вырвалось на свободу с его приходом. Никакое наказание, даже смерть, не смогло бы сейчас заставить меня молчать! И я громко закричала, впервые безразличная к тому, услышат ли меня, что подумают и как отреагирует мой... хозяин:

– Что ты здесь делаешь?! – не заботясь тем, что была почти голой (все равно рассмотрел что хотел), я продолжала наступать на него, требуя объяснений. Не сомневаюсь, он уже и забыл этот мой тон! Я придавила ногой люк, чтобы он не смог уйти без ответа.

Кристоф был удивлен и даже растерян. Я никогда не видела его таким раньше.

– Ненавижу тебя! – злые слезы жгли мои глаза. – Ты лишил меня семьи, самой жизни! Но тебе и этого мало! Я работаю с утра до поздней ночи, и мне нужен сон! Хоть немного! Чуть-чуть покоя... Тебе не приходило в голову, что лекарство для твоей любимой сестры может иссякнуть раньше срока?! Из-за тебя! – Я набрала побольше воздуха и прорычала: – Убирайся!!! – Слезы капали, выжигая во мне все живое.

Кристоф превратился в статую – ни слова в ответ, странный взгляд... Лишь шумное дыхание напоминало о том, что он жив.

– Ну что я тебе сделала? Почему ты не можешь относиться ко мне так же, как к остальным слугам? Может, раньше, дома, я и дерзила тебе, но сейчас я даже слова лишнего не говорю. Я теперь лишь прислуга, послушна и покорна... Почему ты так обращаешься именно со мной?!

Кристоф вдруг как будто пробудился ото сна. В долю секунды он оказался рядом, схватил меня за плечи и затряс.

– Покорна?! – Его пальцы больно впивались в мое тело. – Да ты никогда не была покорной! Даже слепой увидит в твоём взгляде злость, ненависть и желание перерезать мне глотку! И с чего ты взяла, что я по-особому отношусь к тебе? Ты что, чем-то отличаешься от остальных? Да какое право ты имеешь ненавидеть меня? Ты – никто! – он тряс меня сильнее с каждым словом, и злость выплескивалась из его глаз. – Я зашел, чтобы лишь сказать: ты срочно нужна в лаборатории!

Моя голова моталась, как у тряпичной куклы, но он не останавливался.

– О да, ты уже не та глупая эгоистка, какой была раньше! Ты научилась сопереживать другим, дарить им теплые улыбки. Всем! Даже «ужасной» Мойре! Лишь я для тебя остался зверем. Почему?! Потому что управляю вами? Потому что обладаю властью? А ведь я ничего плохого тебе не делал, пока ты не выводила меня из себя! И ты бы никогда не увидела, как кормятся мои псы, если бы не попыталась сбежать!

Неожиданно он разжал свою железную хватку, и я тут же упала. Неужели я была так слаба (или напугана?), что не смогла удержаться на ногах?

– Я никогда не прошу тебе того, что видела, – я посмотрела ему в глаза и, чеканя каждое слово, добавила без колебаний: – Запомни, если у меня будет возможность, я убью тебя!

Кристоф наклонился ко мне и... улыбнулся чему-то неведомому.

– Но у тебя никогда не будет такой возможности, – мягко прошептал он.

А потом поцеловал меня!

Остолбенев от неожиданности, я сначала замерла, но тут же начала бешено вырываться и молотить кулаками, стараясь ударить как можно сильнее. Но, увы, больно было не Кристофу, а мне. И еще больнее было из-за того, что поцелуй... мне понравился.

Когда же наконец он отпустил меня и выпрямился, за его спиной стоял Кайл. Как он вошел в комнату, я в разгар борьбы не заметила. Я едва отдавала себе отчет в происходящем вокруг, все еще пребывая в смятении.

Кристоф же, повернувшись к выходу, преувеличенно удивился:

– О, Кайл! А ты что здесь делаешь? – его легкий тон и довольная ухмылка не оставляли сомнений в том, что здесь делал он.

«Подлец!» – очнулась я наконец.

– Я пришел позвать Диану в лабораторию. Она нам срочно нужна, – голос Кайла был совершенно бесцветным, как и его взгляд.

– Ну, тогда не буду вам мешать! – И, обойдя Кайла, Кристоф спрыгнул вниз, даже не пытаясь воспользоваться ступеньками.

Я не могла посмотреть Кайлу в глаза. Меня тошнило от одной мысли, что он стал свидетелем нашего с Кристофом «разговора». Как это должно было выглядеть для него!

Я поднялась и, неловко прикрываясь руками, отвернулась к стене.

– Иди, Кайл. Я сейчас приду, – меня била нервная дрожь, свою лепту вносила и привычно раскалывающаяся голова. Как же гадко! Вряд ли слова могли исправить ситуацию.

– Диана... – сказал Кайл за самой моей спиной.

Меня затрясло еще сильнее.

– Уходи!

– Не надо, Диана. – Он укутал меня в одеяло и свои объятия.

По инерции я все еще пыталась вырваться, слезы продолжали скатываться на его рубашку.

– Не плачь, ш-ш-ш... – Но руки держали меня мягко, без принуждения, и постепенно я расслабилась, мои всхлипы начали затихать, стало легче. Ведь я уже была не одна. С Кайлом.

– Ты думаешь, я ничего не понимаю? Думаешь, мне не известно, что он за чудовище?

Наконец я смогла поднять на него глаза. Он убрал с моего мокрого лица прилипшую прядь – нежно, ласково.

– Диана, я сделаю все, чтобы защитить тебя, даже если это будет стоить мне жизни. Я знаю, что может помочь.

И я ему поверила.

Но как невыносимо страшно мне стало на следующее утро, когда я увидела, что люк открыт, а кресло, всегда стоявшее у стола, подвинуто к самой моей постели. Покрывало на кресле было смято, будто на нем долго-долго сидели...

Мойра заметила мое состояние и тактично молчала, ожидая, пока я захочу поделиться. У меня же не было слов, чтобы объяснить ей свои смутные страхи: подозрения, которые только начали брезжить в моем сознании, были столь пугающими, что я не решалась о них даже думать, не то что говорить. Но ее готовность сопереживать все-таки сломала мой защитный барьер, и однажды главный мучительный вопрос вырвался на волю вместе с рыданиями:

– Почему он так меня ненавидит?!

В мгновение ока Мойра уже держала меня в объятиях, тихонько покачивая, как мать, утешающая дитя, которое плачет по глупой причине. Как же странно это выглядело со стороны: хрупкая девочка по-взрослому успокаивала девушку намного старше себя... Она ничего не говорила, просто ждала, пока иссякнет поток моих слез. Как я раньше жила без моей преданной, искренней подруги? В ее бесконечно мудрых глазах светилось понимание...

– Мойра, почему тебя так боятся? – Могла ли я пару месяцев назад подумать, что спрошу у нее о таком?

– Понимаешь, Диана, ты – особенный человек. И не только потому, что можешь спасти меня... Если бы ты знала, как мне надоело видеть ужас на лицах входящих в эту комнату людей! Представь, год за годом, столетие за столетием, кто бы новый ни входил, вместе с ним вползал и его удушающий страх. Ты единственная, в ком страха не было, я точно знаю, потому что изучила все его оттенки в глазах людей. А ведь ты знала, кто я и что обо мне говорят! Твое сочувствие покорило меня с первой минуты, – Мойра вытерла мои слезы и, ласково глядя, добавила: – Кроме того, обстоятельства столь необычной жизни научили тебя видеть больше и дальше обычных людей, ты весьма неглупа. А я не выношу глупости и могу быть резка... ну или очень резка. Но тем не менее порой ты так наивна...

– Что ты хочешь сказать?

– Только то, что со стороны виднее. Ты не знаешь, как он на тебя смотрит, как ищет твой взгляд и запах.

– Запах? – нахмурилась я.

– Милая, запахи играют в нашей жизни огромную роль! Мы гораздо более чувствительны к ним, чем люди... Приходя ко мне, он касается тех вещей, которых касалась ты, а иногда, может и не так часто, как мне хотелось бы, даже улыбается...

В том, что Кристоф хочет меня, не было откровения. Он и не считал нужным это скрывать. Да и от кого? Я же для него – никто! Интересно, другие служанки тоже прошли через это? Ни одна из них не делилась подобным секретом, но разве стала бы делиться я? А спрашивать первой у меня не было ни малейшего желания.

Вспомнился ледящий кровь оскал, виденный ночью... И я уверенно возразила:

– Твой брат никогда не улыбается!

– А может, пора уже... ведь даже чудовища имеют право на счастье. Ты же часто так его называла? Мы спорили о тебе, и он сорвался на крик, приведя твои слова как аргумент. Или я не права?

Я молчала, подтверждая сказанное. Кем же еще он был для меня – чудовищем, от которого невозможно спастись. Но мне не хотелось расстраивать Мойру, и я попыталась найти выражения помягче:

– Знаешь, Мойра, ты стала мне очень дорога. В моей жизни не было никого, чье участие я ощущала бы так сильно. Ты не только подруга, ты – моя найденная сестра. Нет, молчи, позволь, я закончу! Мне даже не жаль отдать за тебя жизнь. Но твой брат... пойми, я ненавижу его с детства! И то, что он делал по отношению ко мне, без сомнения, было ужасно! Поэтому мне тяжело осознавать, что все так...

– Как, милая?

– Сложно, слишком сложно...

Мойра советовала отвлечься от напряженной обстановки. Я понимала, что она права. И как бы мне ни претила сама мысль о встрече с прошлым, сейчас это было просто необходимо – я не представляла, сможет ли помочь что-либо еще.

С нетерпением дождавшись ближайшей субботы, я выбирала вечером более-менее приличную одежду, нервно размышляя: нужно ли мне видеться с подругами? Как себя вести и что говорить, проблемы не составляло – я «ненадолго вернулась из-за границы и на днях уезжаю обратно». Главный вопрос: стоила ли боль, вызванная воспоминаниями и разговорами о сегодняшней нормальной жизни моих бывших подруг, самой встречи? А боль будет сокрушительной, я знала. Ехать в дом родителей все еще не хотелось...

Уже лежа в постели, полностью погруженная в мысли о том, как провести завтрашний день (свободный день!), я услышала тихие шаги на лестнице. Мне не нужно было волноваться – Кристоф всегда передвигался неслышно.

В люке вынырнула голова Кайла, он принес мне еду вместо Кристофа. Почти праздник!

– Ты зачем подкрадываешься? – поддразнила я, улыбаясь. Было приятно его видеть. – Поседею преждевременно!

Вряд ли я дождусь своего первого седого волоска. Как в моей жизни все перевернуто с ног на голову! Обычно женщины боятся этого момента, я же о нем мечтала...

– И испортишь красивые волосы? Никогда! – поддержал мою шутку Кайл. Он поставил поднос на тумбочку возле постели и присел на край рядом со мной. Я взялась за батончик, вкус которого стал мне привычен и даже любим: орешки, сухофрукты, мед, шоколад – одна из моих немногих радостей.

– Ты так красива, Диана... – Кайл задумчиво пропускал мои локоны сквозь пальцы. Его голос и особенно взгляд были настолько серьезны, что мне, лежавшей перед ним на постели, хотелось сделать разговор менее... концентрированным...

Доев батончик, я положила обертку на поднос.

– Спасибо.

– У тебя кусочек шоколада, – улыбнулся Кайл.

– Где?

– Здесь. – И он поцеловал меня в губы. Нежно, сладко... И отстранился, ожидающе глядя.

Он давал мне выбор. Как никто никогда раньше.

Я улыбнулась и потянула его за воротник к себе. Взгляд Кайла вспыхнул счастьем!..

Со страстным стоном его губы обрушились на мои. И мой неожиданно жадный ответ поразил меня саму! Может, я просто понимала в глубине души, что другой такой возможности уже, скорее всего, не будет? Или же мной руководила не только страсть? Я боялась искать ответ – он мог принести слишком много боли нам обоим. Ведь со стороны Кайла это был не просто порыв, я знала об этом с самого начала.

Одежда полетела на пол, и мы сплелись, обжигая друг друга огнем... И впервые это было хорошо! Я была почти счастлива, почти жива!.. Едва чувствуя, как внутри растет взрыв удовольствия, я уже хотела еще... Казалось, мой крик заполнил всю комнату светом!

– Руки прочь от нее! – и в то же мгновение, когда раздался переполненный яростью рык, нечеловеческая сила оторвала от меня Кайла и швырнула в люк.

Я все еще была в раю, на моих губах таяла улыбка экстаза...

Надо мной, обнаженной, неподвижно стоял Кристоф. Посторонний мог бы обмануться его внешним спокойствием, но не я.

Едва придя в себя и уловив выражение его лица, я слетела с постели, в последний момент сдернув одеяло, чтобы прикрыться. Несколько быстрых шагов назад, не глядя куда, лишь бы подальше от него, и я уперлась в стену. В тот же миг Кристоф уже стоял рядом так близко, что его распахнутое темное пальто касалось моей кожи. Спина заболела от тесного контакта со стеной.

И если бы взгляд мог убивать, я бы давно была мертва!

Снизу послышались звуки: судя по всему, Кайл пострадал меньше, чем мог бы. Только бы он не стал подниматься вверх! Если мне ситуация не грозила смертью из-за исключительной ценности моей крови, то хватит ли его профессиональной квалификации, чтобы сохранить ему жизнь?.. Я не была уверена.

Неожиданно привычное пламя ненависти заслонило мир вокруг! Всего пару секунд назад я взлетала на вершину удовольствия с человеком, достойным, как никто другой, разделить со мной это счастье. И снова Кристоф отнял его у меня!

– Ты не можешь заходить в мою комнату, когда тебе заблагорассудится! – От этих слов он озверел окончательно, и фразу я закончила, уже висая в воздухе и тщетно пытаюсь освободиться от руки, сдавившей мое горло.

– Если я еще раз увижу здесь постороннего – и мне плевать кого! – я убью эту мразь!!! Тебе ясно?! – проревел он мне в лицо.

Хотелось объяснить, что моя жажда его смерти намного сильнее, но я не могла вдохнуть. Слепленный яростью, Кристоф так сильно сжал пальцы, что было непонятно, почему моя шея еще цела. Он осознал, что происходит, только когда от недостатка кислорода я покраснела, и ослабил хватку. Мои ноги коснулись пола, я судорожно набирала воздух – раз, другой... Едва почувствовав облегчение, я вспомнила слова Мойры и догадалась, чем в ответ смогу стегнуть его побольнее.

– Ты просто злишься, что я предпочла не тебя, – еле выдавила я, хрипя и почти не различая его за роем мошек, клубящихся перед глазами, застилающих все вокруг темной пеленой...

Он замер, его рука разжалась, и я сползла на пол безвольной куклой, надсадно кашляя, но тем не менее наслаждаясь каждым свободным вдохом. Воздух со свистом входил в мои легкие и наполнял тело силой. Еще. И еще. Блаженство... Когда спустя несколько минут я смогла открыть глаза и поднять их вверх по его бесконечно высокому телу, Кристоф был совершенно спокоен.

– Какая же ты глупая, – его голос звенел презрением. – Ты думаешь, что особенная? – Он наклонился к моему лицу. – Я живу долго, очень долго, Диана, и ты не имеешь понятия, сколько женщин прошло через мои руки. Как же мне надоела ваша ограниченность, мелоч-

ность, вы сами... Но ты – больше всех! Сколько времени я провел рядом с тобой, видел твой глупый страх, твои слезы... Как же ты...

Я не знала, что он хотел сказать, но вдруг мне показалось, что сейчас он меня ударит, и я закрыла глаза, снова вжимаясь в стену. Когда же я их открыла, в комнате никого не было.

После происшедшего разрешение на прогулку было аннулировано. Я недоумевала: никто не ставил мне условия соблюдать целибат, но с другой стороны, мне было известно, что иной раз и за незначительные провинности слуги платили жизнью. Интересно, отказать хозяину и предпочесть ему слугу, пусть и наемного, – мелкий проступок или крупный?.. Обстоятельства позволяли мне шлифовать черный юмор.

Количество работы по дому резко возросло, объем сдаваемой ежедневно крови – тоже. Я ни секунды не сомневалась, кто следил за этим лично. Кристоф не мог наказать меня настолько радикально, насколько того желал. Иногда я размышляла: к счастью это или к сожалению? Все чаще мне хотелось быстрого конца... А он, судя по всему, был уже недалек.

Выздоровление Мойры быстро продвигалось: она проводила большую часть дня на ногах, забыв постылую кровать, улыбка не покидала ее совершенных губ, и многовековая усталость на лице Дженоба уступила место незнакомому выражению светлой радости.

Но была у ее выздоровления и обратная сторона – жизнь, наполнявшая Мойру, покидала меня.

Немало времени осталось позади, пока я поняла, что с такими кровопотерями долго не протяну. В прошлом, казавшемся далеким и нереальным со дна моей нынешней пропасти, цветущая внешность всегда отличала меня от других. Теперь я была лишь тенью себя. И без того измученная дикой жизнью последних месяцев, я стала бледной и слабой, у меня пропал аппетит. Быть может, этого бы не случилось, если бы я продолжала есть всю ту гадость, которой меня пичкали. Но у меня исчезло само желание жить. А вслед за ним стали уходить и другие потребности организма.

Так как ела я теперь (точнее, изображала, что ем) в лаборатории, это не могло укрыться от внимания Кайла. Я впервые увидела его злым.

Он пытался втолковать мне, что так я долго не выдержу. В тумане заторможенности я наблюдала, как его теплые глаза метали молнии, его губы (такие сладкие на вкус) кривились в гримасе ярости, руки (так нежно ласкавшие меня) сжимались в кулаки...

По крайней мере, моих воспоминаний Кристоф не сможет отнять никогда. Я улыбнулась этой мысли.

– ...не может продолжаться, Диана! – понятными были лишь последние его слова.

– Я знаю, Кайл. И очень на это надеюсь. Понимаешь, я так устала, смертельно устала... Мне хочется уснуть и спать долго-долго, а лучше... вообще больше не просыпаться, – мои губы еле шевелились. Я отстраненно слушала и не узнавала свой собственный голос.

Кайл тревожно смотрел на меня, его брови сошлись на переносице в сплошную линию...

Я почти спала, когда в люк постучали. Сон тут же исчез, сердце резко забилося – я испугалась, потому что отвыкла от звука, предоставлявшего выбор: впустить гостя или нет. Справившись с собой и откинув крышку, я увидела Кайла. Сосредоточенный, он скользнул в комнату, бесшумно прикрыв люк за собой, и тут же потянул меня в дальний угол.

– Ты двинулся умом? – я не могла прийти в себя, потрясенная. – Не понимаешь, что будет, если Кристоф узнает?! Жить надоело?

Происшедшее с нами почти никак не отразилось на Кайле, не считая многочисленных синяков и ушибов, полученных при падении. Кристоф не сказал ему ни слова. Но осязаемо тяжелый, чудовищный взгляд давил на Кайла каждый раз, когда тот оказывался в его поле зрения. Кристоф не считал нужным (или не мог?) скрывать этот взгляд, и я чуяла нутром – это очень плохо.

Не обращая никакого внимания на мои бурно высказываемые опасения, Кайл повернул меня к тусклому свету окна, взял за подбородок и нахмурился. Бледная кожа, обескровленные губы, синяки под угасшими глазами – я увидела себя его глазами.

– Диана, я... – он замолчал, будто в нерешительности, поглаживая мою щеку, – хочу сохранить тебе жизнь.

Он хотел сказать что-то другое, и я знала что. Наверное, именно поэтому говорить и не имело смысла.

Сосредоточенное выражение вернулось, и, жестом призывая меня к молчанию, он быстро и тихо заговорил:

– По непонятным мне причинам количество крови, которое у тебя ежедневно берут, очень скоро увеличится. Да, я знаю, это безумие. И так превышена максимально допустимая доза. Если честно, для меня загадка, как ты еще держишься... Мне непонятна их логика, ведь «драгоценное лекарство» попросту иссякнет! – его лицо перекосилось от ярости. – И если кровопотеря повысится, дольше месяца ты не проживешь... – пальцы больно впились в мою кожу. – Я не допущу этого!

– Но, Кайл...

– Послушай меня, Диана, я много лет провел рядом с этими существами и знаю, что обоняние значит для них несоизмеримо больше, чем для нас зрение. Вот, возьми, – он торопливо достал из кармана пузырек с темной жидкостью и вложил в мои руки, скрепляя их поверху своими. – Моя личная разработка. О ней не знает никто! Мой препарат может изменить на некоторое время (приблизительно на два часа) твой запах, сделать тебя «невидимой» для них. Ты сможешь ускользнуть! – его слова и взгляд горели воодушевлением. – Я достану новые документы, дам денег, и ты уедешь как можно дальше и начнешь новую жизнь!

Сказка... Я слушала и не решалась поверить, что мои загнанные в самый дальний уголок сознания безумные, безнадежные мечты о свободе могли стать реальностью... Но стоило лишь впустить их в свое сердце, и я ощутила, как остаток моей сверхценной крови забурлил в венах, как заблестели мои глаза – ко мне вернулась сама жизнь!

Перемена во мне не укрылась от Кайла, и он улыбнулся.

– Но куда я уеду? И как мне убежать, здесь охрана? Кроме того, ведь их зрение и слух останутся в порядке?.. – вопросы толкались в моем взвинченном уме.

– Уедешь, куда захочешь, главное – чтобы я не знал куда, – его взгляд был как никогда серьезен. Несколько секунд прошли, пока я осознала: ему придется ответить за мой побег.

– Нет, Кайл, нет, я так не могу! Нет!.. Неужели ты не понимаешь? Я не могу так! – внутри все пульсировало от боли.

Моя мечта стремительно угасала свечой. Я не была согласна заплатить такую цену!

– Тише, Диана, послушай меня, послушай же! Если мы не попробуем, близкий конец неизбежен для тебя, – его губы беззвучно добавили что-то («...а значит – и для меня?»), и он тут же яростно отрезал: – Я не позволю этому случиться! Нет, слушай... я не собираюсь сидеть и ждать смерти – как только пойму, что твоя попытка удалась, сбегу сам! Даю тебе слово!

– Но... если ты не будешь знать, где я, как же ты найдешь меня? – Мучительный вопрос. Кайл улыбнулся и коснулся моей щеки.

– Не могу даже представить себе, чтобы не нашел! – Его глаза ласкали мое лицо. – Но даже если не найду... Я смогу жить дальше, потому что буду знать: ты живешь тоже.

– Но как мне убежать, ведь меня стерегут день и ночь?

Неудавшаяся попытка побега из родительского дома была лучшим тому подтверждением.

– Нас могут подслушивать даже сейчас! – Мысль запоздало встревожила меня.

– Не бойся, я... предпринял определенные меры, чтобы у нас была возможность поговорить. Подумай сама, разве позволил бы Кристоф нашему разговору продолжаться?

Он был прав. Мне лишь хотелось верить, что сделанное Кайлом не обнаружится, его жизнь и так висела на волоске, раскачиваясь под порывами безжалостного ветра судьбы.

Он торопливо продолжил:

– Главное, чтобы ты смогла выбраться из дома на день или хотя бы – на несколько часов. Скажи, что хочешь проведать родных, – это не вызовет вопросов. Дело в том, что моему препарату нужно примерно полчаса, чтобы подействовать, запомни. И где бы ты ни была потом, после побега, пользуйся им, даже если и не заподозришь близкое присутствие опасности...

– Насколько близкое?

– Сотня километров.

Мои глаза округлились – уму непостижимо!

– Да, не удивляйся! Их обоняние ни с чем не сравнить, поэтому они никогда и не упускают свою жертву. Ты знаешь, что тебя будут искать, но ты не представляешь их возможностей! И я говорю не только об органах чувств. То, что ты видела здесь, лишь вершина айсберга, Диана. Эта «семья» властвует не только в мире людей, но и среди себе подобных. Они живут гораздо дольше нескольких столетий, и в их руках сосредоточено столько средств, силы и возможностей, что поиск любого человека не представляет никакой проблемы! Нам с тобой трудно поверить, но у них существуют целые армии «специалистов» для сбора пищи и розыска неугодных людей. Поэтому ты должна понять, если все удастся – это будет чудо! – Кайл замолчал, а затем тихо добавил: – Просто у нас нет выбора... Мы должны попробовать вопреки всему.

Да, выбора не было. Я лишь теперь до конца осознала, насколько наивной была моя прошлая попытка сбежать... такой же наивной была и эта, предстоящая. Тем не менее я знала, что все равно попробую.

И если чудо свершится, мне придется сидеть все оставшиеся дни, забившись в нору, еле дыша, стараясь скрыть свое присутствие в мире. Вот та жизнь, которая ожидала меня в случае удачи. Но все же... это была жизнь.

Оставался только один вопрос. Самый сложный.

– Смогу ли я выйти из дома, решает Кристоф. Как же мне его уговорить? – спросила я саму себя и закусила губу, нахмурившись.

– Придумай что-нибудь, – еле слышно прошептал Кайл и отвел взгляд. – Я должен уходить, Диана.

– Кайл? – У меня впереди была вся ночь для размышлений, сейчас же оставалось время лишь для самого важного. – Не знаю, удастся ли нам задуманное... Я хочу сказать, ты – лучшее, что было в моей...

Но он не дал мне закончить. Его рот закрыл мой в нежном поцелуе, а руки плавно прошли по всему моему телу до самых потаенных уголков, вызвав сладкую дрожь. Кайл глубоко вдохнул мой запах, будто запоминая...

И я поняла, что на самом деле он не надеялся прикоснуться ко мне еще раз. Это было прощание.

– Не забудь, прими душ... любимая, – пробормотал он и, не глядя больше на меня, покинул комнату.

Полночи я проревела.

Я знала, что значительную часть свободного времени Кристоф проводит в собственном крыле, где были обустроены по его предпочтениям огромный бассейн, зал с весьма необычными для человека тренажерами и личная библиотека.

Мне никогда раньше не приходилось бывать там. К счастью. Сама мысль о том, что я добровольно шла в его логово, заставляла дрожать каждую жилку внутри. От того, насколько хорошо я смогу сыграть сейчас, зависело слишком многое...

Я открывала дверь за дверью, но никого не видела.

Мои ноги то утопали в толстых светлых коврах, то скользили по полированному мрамору. Роскошь деталей здесь до удивления гармонично сочеталась с аскетизмом белых стен и потолков. Ничего лишнего – у Кристофа был отменный вкус. Что не удивляло.

У последней двери, чувствуя, как подкашиваются ноги, я напредила себе, почему нахожусь здесь: «Свобода!» Одно простое слово придало мне решимости, и я постучала.

Ответа не последовало.

Вспоминая то новое, что узнала о нем от Кайла, я поняла, что Кристоф, конечно же, знает, кто стучит. Более того, наверняка Кристоф был в курсе, что я иду к нему, когда я лишь вошла в его крыло... Или еще тогда, как только вышла из своей комнаты?..

Мне надо прекратить думать в этом направлении, или приступ паники неминуем! По крайней мере, причина моего прихода – загадка для него, уверена.

Нащупав почву под ногами благодаря последней мысли, я заглянула в комнату.

– Можно войти?

– Ты уже вошла.

Первое, что бросилось мне в глаза, – красота помещения. Гармоничные пропорции и все та же аскетично-роскошная отделка придавали двусветной комнате выраженный характер. На первом этаже – рабочая зона – располагался огромный стол из полированного черного камня и камин в полстены. На втором, куда вела прозрачная лестница, угадывалась спальня.

С моих губ соскользнуло совершенно незапланированное:

– Красиво.

– Спасибо, – прозвучал такой же неожиданный ответ из кресла у окна. Кристоф смотрел на меня с напряженным интересом.

Я молчала, слушая, как мое сердце мчит во весь опор. Даже хорошо, пусть знает, что я волнуюсь.

– Кристоф...

– Да?

– У меня к тебе просьба...

– Ну конечно! Ведь просто так ты бы здесь не появилась, – было непонятно, иронизирует он или констатирует факт.

– Прошло уже много времени, и я...

– Что?

– ...хочу увидеть родителей, брата, сестру.

– А еще кого? – зло спросил он уже откуда-то сзади. Сердце тут же ускорило бег, но я мысленно напредила себе, зачем я здесь и почему не имею права на панику. Глубоко вдохнув, я обернулась и обнаружила его намного ближе, чем ожидала.

– Пожалуйста, позволь мне встретиться с родителями, – мой голос звучал мягко, почти умоляюще. Я тут же испугалась: не перестаралась ли?

Кристоф задумчиво смотрел на меня и молчал. Я раскрыла карты: он узнал, что мне нужно было вырваться из дома, и теперь явно смаковал важность своего решения. На секунду мне показалось, что он видит меня насквозь... что он раскусил мой наивный план и размышляет, какому наказанию меня подвергнуть...

Но я не собиралась сдаваться так просто!

– Кристоф, большинство слуг за эти месяцы уже десятки раз побывали дома, одна я – ни разу. В последнее время меня мучает одиночество, как никогда раньше.

Его ноздри раздулись, а губы дрогнули, и я тут же постаралась уйти в сторону от скользкой темы.

– Даже несмотря на то, что родные виноваты в моих несчастьях, я все равно хочу съездить к ним. Пожалуйста!

– Но ведь ты их всех ненавидишь, я знаю. Зачем тебе с ними встречаться? – спросил он после долгой паузы, все так же исполненный сарказма и подозрения.

– Я тоскую по своей прошлой жизни. – Удивительно, но сейчас я говорила ему чистую правду. – И пусть никто не назвал бы ее идеальной... или даже хорошей, но я была в ней свободна... ну или почти... Мне не давали приказаний, не говорили, что делать, когда спать, сколько есть. Да, я знаю, что это позади! Но так хочется вернуться туда, пусть на время, и если не стать, то хоть почувствовать себя свободной, хотя бы обмануться...

Меня пугала мысль о том, через что я могла бы пройти ради этого!

– Кроме того, в последнее время я очень плохо себя чувствую – у меня берут слишком много крови, а работаю я намного больше других. И Кайл говорит, что... – еще не закончив фразу, я поняла, что совершила ошибку. Но было поздно.

– Когда ты с ним разговаривала?! – маска невозмутимости мгновенно слетела с Кристофа, и дикое раздражение исказило черты его лица.

– Когда сдавала кровь, разумеется. Он сказал, что при таких темпах кровопотерь мне остается жить совсем недолго. Поэтому я хотела...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.